

Разум в огне. Месяц моего безумия

Автор:

Сюзанна Кэхалан

Разум в огне. Месяц моего безумия

Сюзанна Кэхалан

Проект TRUESTORY

Сюзанна Кэхалан по крупицам извлекала из памяти события, случившиеся с ней во время болезни, брала интервью у лечивших ее врачей, родных и близких людей. Прочитала тысячу страниц медицинских отчетов, просмотрела несколько сотен обрывков видеозаписей из своей палаты... и все для того, чтобы ВСПОМНИТЬ, как она однажды сошла с ума...

Сюзанна Кэхалан

Разум в огне. Месяц моего безумия

Susannah Cahalan

BRAIN ON FIRE. MY MONTH OF MADNESS

Copyright © 2012 by Susannah Cahalan

Originally published by Free Press, a division of Simon&Schuster, Inc.

© Змеева Ю. Ю., перевод на русский язык, 2016

* * *

Посвящается всем пациентам с моим диагнозом

Существование способности забывать так и не доказано: мы лишь знаем, что некоторые вещи не приходят на ум, когда мы того желаем.

Фридрих Ницше

Пролог

Сначала ничего не видно и не слышно.

– Мои глаза открыты? Здесь есть кто-нибудь?

Я не могу понять, движутся ли мои губы и есть ли в комнате кто-то еще. Слишком темно, я ничего не вижу. Моргаю раз, два, три раза. Нутро сжимается от необъяснимого страха. Потом я понимаю, в чем дело. Мысли преобразуются в речь медленно, словно продираясь сквозь патоку. Вопросы складываются из отдельных слов: где я? Почему голова чешется? Где все? А потом окружающий мир постепенно проступает – сперва его диаметр с булавочную головку, но постепенно окружность расширяется. Из тьмы возникают предметы, фокус настраивается. Через минуту я их узнаю: телевизор, занавеска, кровать.

Я сразу понимаю, что должна выбраться отсюда. Делаю рывок вперед, но что-то мне мешает. Пальцы нащупывают сетку ремней на животе. Они удерживают меня на кровати, как... не могу вспомнить слово... а, как смирительная рубашка. Ремни пристегнуты к двум холодным металлическим поручням по обе стороны кровати. Я хватаюсь за них и подтягиваюсь, но лямки впиваются в грудь, и мне удается приподняться лишь на пару сантиметров. Справа от меня закрытое

окно – похоже, выходит на улицу. Там машины – желтые машины. Такси. Я в Нью-Йорке. Я дома.

Но не успеваю я испытать облегчение, как вижу ее. Женщину в фиолетовом. Она пристально смотрит на меня.

– Помогите! – выкрикиваю я.

Но выражение ее лица не меняется, будто я ничего не сказала. Я снова пытаюсь вырваться из ремней.

– Не надо так делать, – произносит она певуче, со знакомым ямайским акцентом.

– Сибил? – Но разве это возможно? Сибил была моей нянькой. В последний раз я видела ее в детстве. Почему она вернулась именно сегодня? – Сибил? Где я?

– В больнице. Ты лучше успокойся.

Нет, это не Сибил.

Мне больно.

Женщина в фиолетовом подходит ближе, наклоняется, чтобы расстегнуть мои путы сначала с правой, потом с левой стороны, и ее грудь слегка касается моего лица. Когда руки освобождены, я инстинктивно поднимаю правую, чтобы почесать голову. Но вместо волос и кожи нащупываю лишь хлопковую шапочку. Я срываю ее, внезапно разозлившись, и обеими руками начинаю ощупывать голову. Чувствую ряды пластиковых проводов. Выдергиваю один – кожу головы щиплет – и подношу к глазам. Он розового цвета. На запястье оранжевый пластиковый браслет. Прищуриваюсь, пытаюсь прочесть надпись, и через пару секунд перед глазами проступают заглавные буквы: МОЖЕТ СБЕЖАТЬ.

Часть первая

Безумие

И мне знаком трепет крыльев в голове.

Вирджиния Вульф, «Дневник писателя: отрывки из дневника Вирджинии Вульф»

1. Клоповый блюз

Наверное, все началось с укуса клопа – постельного клопа, которого на самом деле не было.

Как-то утром я проснулась и увидела две красные точки на широкой фиолетово-красной вене, бегущей вниз по левой руке. Дело было в 2009 году, а тогда в Нью-Йорке все боялись клопов-паразитов: ходили слухи, что они полчищами наводнили офисы, магазины одежды, кинотеатры и даже скамейки в парке. И хотя по природе я не склонна поддаваться панике, уже две ночи подряд мне снились клопы длиной с палец. Пожалуй, мои волнения были оправданы, хотя я тщательно прочесала всю квартиру и не нашла ни одного клопа и никаких намеков на их присутствие. Кроме этих двух укусов. Я даже вызвала службу уничтожения насекомых, чтобы мою квартиру проверили. Усталый, перегруженный заказами латиноамериканец изучил каждый сантиметр моего жилища, даже приподнял диван и стал светить фонариком в такие углы, которые мне в жизни не приходило в голову убирать. После чего вынес вердикт: в моей однушке клопов нет. Я не поверила и вызвала его для обработки. Надо отдать ему должное, он предложил хорошенько подумать, прежде чем выкладывать астрономическую сумму за борьбу, как ему казалось, с воображаемыми клопами. Но я настаивала, так как была уверена: клопы захватили мою квартиру, мою кровать, мое тело, наконец. Тогда он согласился вернуться и опрыскать помещение.

Хотя проблема меня очень тревожила, я старалась скрывать свое растущее беспокойство от коллег. По понятным причинам мне не хотелось, чтобы меня считали человеком, у которого в кровати водятся клопы. И вот на следующий день я с как можно более невозмутимым видом шла по редакции «Нью-Йорк Пост» к своему рабочему месту. Укусы я замаскировала и старательно делала вид, что у меня все нормально, что ничего не происходит. Хотя в нашей газете

«нормально», наоборот, должно было возбудить подозрения.

«Нью-Йорк Пост» известна своей гонкой за самыми актуальными новостями, но на самом деле газете столько же лет, сколько американскому народу. Александр Хэмилтон основал ее в 1801 году – это старейшая газета в стране, которая издавалась непрерывно два с лишним столетия. В первый век своего существования «Пост» сражалась с рабством, поддерживая аболиционистов; во многом ее стараниями был основан Центральный парк. В наше время редакция газеты занимает огромное, но душное помещение; ряды открытых кабинок и гора шкафов с картотекой, где хранятся никому не нужные, забытые документы за несколько десятилетий. На стенах висят давно остановившиеся часы, мертвые цветы, которые кто-то повесил, чтобы засушить; фото обезьянки верхом на бордер-колли и полистироловая перчатка из парка аттракционов «Шесть флагов» – напоминания о прошлых репортажах. Компьютеры на ладан дышат, копировальные аппараты размером с небольших пони. В крошечном чулане, когда-то бывшем курилкой, теперь хранится оборудование, а дверь украшает выцветшая табличка, напоминающая о том, что курилки тут больше нет, – как будто кому-то придет в голову забрести сюда и зажечь сигаретку среди мониторов и видеокамер. Я начала работать семнадцатилетним интерном, и вот уже семь лет редакция «Пост» была моим эксцентричным мирком.

Когда грядет дедлайн, офис оживает: клавиши стучат, редакторы орут, репортеры болтают без умолку – типичная редакция таблоида, как все ее себе и представляют.

– Где чертова картинка к этой подписи?

– Как можно было не понять, что она проститутка?

– Напомни, какого цвета были носки у парня, который прыгнул с моста?

В такие дни у нас – как в баре, только без спиртного: куча наадренированных новостных наркоманов. Лица «Пост» уникальны, таких больше нигде не встретишь: авторы лучших заголовков во всей печатной индустрии; прожженные ищейки, отслеживающие директоров корпораций; амбициозные трудоголики, способные в одночасье расположить к себе, а потом настроить против себя всех вокруг. Но в другие дни в офисе тихо; все молча пролистывают записи из зала суда, берут интервью или читают газеты. Часто – как сегодня, например, – у нас

тихо, как в морге.

Направляясь к своему столу, чтобы приступить к сегодняшним делам, я проходила мимо рядов кабинок, промаркированных зелеными вывесками с названиями манхэттенских улиц: Либерти-стрит, Нассау-стрит, Пайн-стрит, Уильям-стрит. Раньше редакция находилась в районе морского порта у Саут-стрит, и ее здание действительно стояло на пересечении этих улиц. Я работаю на «Пайн-стрит». Стараясь не потревожить тишину, сажусь рядом с Анджелой – моей самой близкой подругой из редакции – и натянуто улыбаюсь. Стараясь говорить тихо, чтобы эхо моих слов не разнеслось по безмолвному залу, спрашиваю:

– Ты что-нибудь знаешь об укусах клопов?

Я часто в шутку говорила, что если бы у меня была дочь, мне хотелось бы, чтобы она была похожа на Анджелу. В редакции она была моим героем. Три года назад, когда мы познакомились, она была робкой, учтивой молодой женщиной из Квинса всего на пару лет меня старше. В «Пост» она перешла из маленькой еженедельной газеты, и напряженная работа в крупном городском таблоиде постепенно раскрыла в ней талантливую репортера – одного из самых одаренных в «Пост». Анджела выдавала превосходные репортажи пачками. Поздно вечером в пятницу ее можно было застать за написанием четырех статей сразу на четырех разных экранах. Само собой, я стала на нее равняться. А теперь мне очень нужен был ее совет.

Услышав страшное слово «клопы», Анджела машинально отодвинулась.

– Только не говори, что они у тебя есть, – шаловливо улыбнувшись, проговорила она.

Я начала показывать ей свою руку, но не успела пожаловаться, как у меня зазвонил телефон.

– Готова? – Это был Стив, новый воскресный редактор.

В свои тридцать пять он уже стал главным редактором воскресного выпуска – то есть моего подразделения, – и хотя вел себя дружелюбно, я его побаивалась. По четвергам Стив устраивал встречу с репортерами, где каждый предлагал свои

идеи для воскресной газеты. Услышав его голос, я с ужасом поняла, что совершенно не готова к этой встрече. Обычно у меня были заготовлены как минимум три внятные идеи – не всегда гениальные, но, по крайней мере, было что предложить. А сейчас – ничего, совершенно нечем заполнить свои пять минут. Как так могло случиться? Забыть о брифинге было невозможно: это был еженедельный ритуал, к которому все мы старательно готовились даже в выходные.

Позабыв о клопах, я встала, таращась на Анджелу и отчаянно надеясь, что пока доберусь до кабинета Стива, все разрешится само собой.

Я нервно прошагала по «Пайн-стрит» и зашла в его кабинет. Села рядом с Полом – редактором воскресных новостей и моим близким другом, который взял меня под крылышко, еще когда я училась на втором курсе. Я кивнула ему, стараясь однако не встречаться с ним взглядом. Поправила на носу очки с огромными поцарапанными стеклами, которые один мой друг-журналист как-то назвал моим личным средством предохранения, потому что «никто не захочет с тобой спать, пока ты в них».

Некоторое время мы сидели в тишине, и я надеялась, что успокоюсь в присутствии Пола – такого знакомого и импозантного. Копна рано поседевших волос, привычка вставлять слово «хрен» везде и повсюду как междометие – Пол воплощал собой все старомодные стереотипы репортера и был блестящим редактором.

Нас познакомил друг семьи, и летом, после окончания первого курса, Пол дал мне возможность попробовать себя в качестве репортера. Через несколько лет работы «на подхвате» – горячие новости, сбор информации для других репортеров, пишущих статьи, – Пол подкинул мне первое крупное задание: статью о дебошах в студенческом общежитии Нью-Йоркского университета. Я вернулась со статьей и фотками, как я играю в пиво-понг; моя отвага его поразила, и хотя разоблачительная статья так и не вышла в свет, он стал поручать мне все больше репортажей, и, наконец, в 2008 году меня приняли в штат. И вот, сидя в кабинете Стива совершенно неподготовленной к сегодняшней встрече, я чувствовала, что подвела Пола, который верил в меня и уважал, я все еще ощущала себя недоучкой.

Молчание затянулось, и я подняла голову. Стив и Пол выжидающе смотрели на меня, и я начала говорить, надеясь, что по ходу что-нибудь придумаю.

– В одном блоге была история... – пробормотала я, в отчаянии пытаюсь зацепиться за обрывки наполовину сформулированных мыслей.

– Так не пойдет, – прервал меня Стив. – В следующий раз найди что-то получше. Договорились? Чтобы ни с чем больше не приходила.

Пол кивнул – его лицо пылало. Впервые за всю свою журналистскую карьеру я села в лужу: такого не случалось даже в школьной газете. Я вышла с собрания, кипя от злости на саму себя, озадаченная собственной тупостью.

– Все нормально? – спросила Андже́ла, когда я вернулась на свое место.

– Да, только я вдруг разучилась делать свою работу. Но это ерунда, – мрачно пошутила я.

Она рассмеялась, показав немного неровные зубы, которые, однако, ничуть ее не портили.

– Брось, Сюзанна. Что стряслось? Не бери в голову. Ты профи.

– Спасибо, Андж. – Я хлебнула остывшего кофе. – Просто сегодня не мой день.

Вечером, шагая на запад от здания «Ньюскорп» на Шестой авеню, мимо туристической клоаки Таймс-сквер к своему дому в Адской кухне, я размышляла о случившихся за день неприятностях.

Как будто нарочно реализуя стереотип нью-йоркского писателя, я снимала тесную однокомнатную квартиру-студию и спала на раскладном диване. Окна квартиры, в которой царила странная для Нью-Йорка тишина, выходили в общий для нескольких многоквартирных домов двор. Здесь меня чаще будили не завывания полицейских сирен и скрип мусоровозов, а сосед, играющий на аккордеоне на своем балконе.

Несмотря на заверения службы по борьбе с насекомыми, утверждавшей, что мне не о чем беспокоиться, я могла думать только об укусах клопов, отправляя в помойку свои любимые статьи из «Пост», напоминающие о том, какая странная у меня работа – жертвы и подозреваемые, опасные трущобы, тюрьмы и больницы,

двенадцатичасовые смены, проведенные на холоде в машине фотографов в ожидании знаменитости, которую нужно было «поймать» и сфотографировать. Занимаясь своим делом, я наслаждалась каждой минутой. Так почему вдруг все начало валиться из рук?

Распихивая свои сокровища по мусорным мешкам, я останавливалась, чтобы прочесть некоторые заголовки. Среди них был самый крупный репортаж в моей карьере: мне удалось договориться об эксклюзивном тюремном интервью с похитителем детей Майклом Делвином. Все СМИ страны гонялись за этой историей, а я была всего лишь студенткой выпускного курса Вашингтонского университета Сент-Луиса. Но Делвин говорил со мной дважды. Однако на этом история не закончилась. После выхода статьи адвокаты Делвина сорвались с катушек; против «Пост» затеяли дело по обвинению в клевете, пытались добиться запрета на публикацию, а местные и национальные СМИ начали критиковать мои методы в прямом эфире, ставить под сомнение этичность тюремных интервью и таблоидов в принципе. Полу в то время пришлось вытерпеть немало слезных звонков от меня, и это нас сблизило; в конце концов газета и мои вышестоящие редакторы за меня заступились.

И хотя этот опыт стоил мне немалого количества нервных клеток, он разжег мой аппетит, и с тех пор меня вроде как провозгласили штатным тюремным репортером. Делвин же получил три пожизненных.

А еще был репортаж о ягодичных имплантах – «Осторожно, сзади», заголовок, который до сих пор вызывал у меня улыбку. Я работала под прикрытием: притворилась стриптизершей, которой нужно дешево увеличить зад, и обратилась к женщине, проводившей нелегальные операции в гостиничном номере в центре. Помню, я стояла, спустив трусы до колен, и прямо-таки обиделась, когда она объявила цену – «тысячу за штуку», то есть вдвое больше, чем взяли с девушки, которая навела нас на это предприятие.

Журналистика была самым интересным делом на свете: жизнь как в приключенческом романе, только еще удивительнее. Но я не подозревала, что вскоре моя судьба примет настолько странный оборот, что о ней впору будет писать в моем собственном любимом таблоиде.

Хотя воспоминание о «ягодичном репортаже» вызвало у меня улыбку, я и эту вырезку отправила к растущей горе мусора. «Там ей самое место», – фыркнула я, несмотря на то что эти безумные истории были мне дороже золота. В тот момент

мне казалось, что я просто должна выбросить все это, но на самом деле подобная беспощадная расправа со следами многолетней работы была мне совершенно несвойственна.

Я, как жадный хомяк, хранила все, что имело для меня сентиментальную ценность, – стихи, написанные в четвертом классе, двадцать с лишним дневников еще со школы. Тогда мне было невдомек, что паника из-за клопов, забывчивость на работе и внезапное желание выбросить всю бумагу были как-то взаимосвязаны – ведь я не знала, что навязчивое ощущение «присутствия насекомых» может быть признаком психоза. Проблема малоизученная, так как люди, страдающие паразитофобией, или синдромом Экбома, чаще обращаются с жалобой на воображаемых насекомых не к психиатрам, а в службу борьбы с паразитами или к дерматологам, и в результате так и живут, не подозревая о своем диагнозе. Мои же неприятности, как оказалось, были гораздо серьезнее чешущейся руки и встречи, к которой я забыла подготовиться.

Несколько часов я убиралась, очищая свою квартиру от клопов, но лучше не стало. Я опустилась на колени у кучи черных мусорных мешков, и вдруг нутро сжалось от необъяснимого ужаса, как при свободном падении, – чувства, похожего на то, что возникает, когда узнаешь о чем-то плохом или о чьей-то смерти. Я встала, и тут голову пронзила боль – ярко-белая вспышка мигрени, хотя мигренями я раньше никогда не страдала. Спотыкаясь, я пошла в ванную, но ноги не слушались, я будто проваливалась в зыбучие пески. Наверное, грипп подхватила, подумала я.

* * *

Скорее всего, никакого гриппа не было, как не было и клопов. Однако какой-то патоген все же проник в мой организм – маленький микроб, запустивший цепную реакцию. Откуда он взялся – от бизнесмена, чихнувшего на меня в метро за несколько дней до этого и выпустившего миллионы вирусных частиц на нас, остальных пассажиров этого вагона? Или я съела что-то, или что-то проникло внутрь через мельчайший порез на коже – может, даже через один из этих загадочных укусов?

* * *

Тут моя память меня подводит.

Врачи и сами не знают, что спровоцировало мою болезнь. Ясно одно – если бы тот бизнесмен чихнул на вас, вы бы, скорее всего, простудились, и этим бы все закончилось. Но в моем случае этот чих опрокинул всю мою вселенную; из-за него меня чуть не приговорили к пожизненному заключению в психушке.

2. Девушка в кружевном лифчике

Прошло несколько дней, и мигрень, неудачный брифинг и клопы почти забылись, а я проснулась, отдохнувшая и довольная, в кровати своего приятеля. Накануне я впервые представила Стивена своему отцу и мачехе, Жизель. Они жили в роскошном особняке в Бруклин-Хайтс. Мы со Стивеном встречались четыре месяца, и знакомство с родителями было для нас серьезным шагом. Правда, с моей мамой Стивен уже был знаком – родители развелись, когда мне было шестнадцать, и у нас с мамой всегда была более тесная связь, поэтому и виделись мы чаще. А вот отец мой был сурового склада, и с ним мы никогда особенно не откровенничали. (Хотя он женился на Жизель почти год назад, мы с братом узнали об этом совсем недавно.) Но ужин выдался на славу – вино, вкусная еда, теплое, приятное общение. Мы со Стивеном ушли под впечатлением, что вечер удался.

Хотя позже отец признался, что в ту первую встречу ему показалось, будто Стивен скорее временное увлечение, чем «долгосрочный» бойфренд, я бы с ним не согласилась. Да, мы начали встречаться недавно, но были знакомы уже шесть лет – когда мы познакомились, мне было восемнадцать и мы оба работали в музыкальном магазине в Саммите, Нью-Джерси. Тогда мы просто вежливо общались на работе, но ни к чему серьезному это не привело, так как Стивен был старше меня на семь лет (для восемнадцатилетней девчонки – разница немислимая). А потом как-то вечером, прошлой осенью, мы снова встретились на вечеринке у общего друга в баре в Ист-Виллидж. Чокнувшись пивными бутылками, мы разговорились. Оказалось, у нас много общего: нелюбовь к шортам, любовь к Nashville Skyline Дилана[1 - Девятый альбом Боба Дилана.].

У Стивена был особый шарм, обаяние бездельника и тусовщика: музыкант, длинные, растрепанные волосы, худощавая фигура, вечно дымящаяся сигарета

во рту, энциклопедические познания в музыке. Но самой притягательной его чертой были глаза – доверчивые и честные. Глаза человека, которому нечего скрывать, – когда я смотрела в них, мне казалось, что мы встречаемся уже давно.

* * *

Тем утром, растянувшись на кровати в его огромной (по сравнению с моей) студии в Джерси-Сити, я поняла, что вся квартира в моем распоряжении. Стивен ушел на репетицию своей группы и должен был вернуться лишь вечером, а я могла остаться у него или уйти. Примерно месяц назад мы обменялись ключами. Впервые в жизни у меня был бойфренд, с которым я дошла до этого важного шага, но я ни капли не сомневалась, что поступила правильно. Вместе нам было очень хорошо, мы чувствовали себя счастливыми, ничего не боялись и знали, что друг другу можно доверять. Однако, лежа в кровати в тот день, я вдруг совершенно неожиданно ощутила звонок в голове, мысль, заслонившую собой все вокруг: прочитай его почту.

Иррациональная ревность была мне совершенно несвойственна; никогда раньше у меня не возникало желания нарушить границы чужой частной жизни вот таким образом. Но в тот день, даже не осознавая свой поступок, я открыла его макбук и начала просматривать содержимое почтового ящика. Несколько месяцев скучной повседневной переписки – и вот, наконец, последнее письмо от его бывшей подружки. «Тебе нравится?» – было написано в теме письма. Мое сердце отчаянно заколотилось в груди; я щелкнула мышкой. Она прислала ему свое фото с новой стрижкой: волосы рыжие, соблазнительная поза, надутые губки. Стивен, похоже, ей даже не ответил, а мне все равно захотелось ударить компьютер по экрану или швырнуть через всю комнату. Но вместо того чтобы на этом остановиться, я пошла на поводу у своей ярости и продолжила копать, пока не восстановила всю их переписку за год отношений. Большинство писем заканчивались тремя словами: я тебя люблю. А мы со Стивеном еще даже не признались друг другу в любви. Я в гневе захлопнула ноутбук, хотя трудно было сказать, что именно меня разозлило. Я знала, что он не общался с ней с тех пор, как мы начали встречаться, и не сделал ничего, в чем его можно было бы уличить. Но мне почему-то захотелось поискать и другие следы предательства.

На цыпочках я подошла к его желтому комоду из ИКЕА и тут застыла. Что если у него установлены видеокамеры? Нет, не может быть. Кому придет в голову

следить за происходящим в квартире в свое отсутствие, кроме озабоченных родителей, шпионящих за новой нянькой? Но мысль меня не отпускала: а что, если он сейчас за мной наблюдает? Что если это проверка?

Хотя меня испугали несвойственные мне навязчивые мысли, я все же открыла ящики и стала рыться в его вещах, бросая их на пол, пока, наконец, не наткнулась на джекпот: картонную коробку, украшенную наклейками с изображением рок-звезд. В коробке были сотни писем и фотографий – в основном его бывших. Там была одна длинная лента фотографий из фотобудки: он и его последняя бывшая, губки бантиком, смотрят друг на друга влюбленными глазами, смеются, потом целуются. Все происходило прямо на моих глазах, как в детской книжке с картинками: история их любви. Следующее фото: та же девушка в прозрачном кружевном лифчике, стоит, упершись руками в худые бедра. Волосы покрашены в пепельный, но ей идет – она вовсе не похожа на шлюху, как часто бывает у пепельных блондинок. А под фотографиями письма, целая пачка написанных от руки записок, некоторые еще со школьных лет. Верхнее письмо – та же девушка, плачется о том, как скучает по нему, пока живет во Франции. Два слова в письме были написаны с орфографическими ошибками; заметив это, я ощутила такое злорадство, что рассмеялась вслух – прямо загоготала.

А потом, потянувшись, чтобы взять следующее письмо, поймала свое отражение в зеркале комода – в одном лифчике и трусах, с охапкой личных любовных писем Стивена, зажатых между коленками. Из зеркала на меня взглянула чужая женщина – волосы взъерошены, лицо искажено незнакомой гримасой. «Я же никогда себя так не веду, – с отвращением подумала я. – Что со мной? В жизни не рылась в вещах своих приятелей».

Я ринулась к кровати и включила телефон: оказалось, прошло два часа! А по ощущениям, – не больше пяти минут. Через пару секунд голову снова пронзила мигрень; меня затошнило. Именно тогда я впервые заметила, что с левой рукой что-то не так: ощущение покалывания, как при онемении, только слишком уж сильное. Я сжимала и разжимала кулак, стараясь избавиться от «иголочек», но стало только хуже. Тогда, пытаясь игнорировать покалывание, я бросилась к комоду убрать вещи Стивена – чтобы он не заметил, что я в них рылась. Но вскоре левая рука совсем онемела.

3. Carota

Покалывание в руке не ослабевало в течение многих дней, но не оно заботило меня больше всего, а чувство вины и изумление собственным поведением в комнате Стивена в то утро. На следующий день на работе я призвала на помощь Маккензи, нашего редактора по спецрепортажам, и мою подругу, всегда собранную и невозмутимую, как героини сериала «Безумцы»[2 - Сериал про сотрудников PR-агентства.].

– Я сделала что-то очень плохое, – призналась я у входа в здание нашей корпорации, стоя под навесом и кутаясь в узкое зимнее пальто. – Рыскала у Стивена в квартире. Нашла кучу старых фоток его бывшей, перерыла все его вещи. В меня словно бес вселился.

Она взглянула на меня с понимающей усмешкой, откинула волосы с плеч.

– И все? Ничего криминального не вижу.

– Маккензи, да я как с ума сошла. Думаешь, это из-за противозачаточных? Может, у меня от них гормональный сбой?

Я недавно начала принимать таблетки.

– Ерунда это, – отмахнулась она. – Все женщины так делают, Сюзанна, особенно те, кто живет в Нью-Йорке. Мы все метим на первое место. Seriously, не убивайся. Только больше так не делай.

Позже Маккензи призналась, что ее смутило вовсе не то, что я рыскала в вещах Стивена, а моя странная реакция на этот поступок.

Я заметила Пола, который курил неподалеку, и задала ему тот же вопрос. Кто-кто, а он бы не стал мне врать.

– Нет, ты не ненормальная, – заверил он меня. – И нечего себя накручивать. Все мужики хранят фотографии бывших или еще что-нибудь, что о них напоминает. Трофеи, так сказать, – услужливо пояснил он.

Пол всегда делился мужской точкой зрения, в этом на него можно было рассчитывать. Пол – воплощение всех мужских стереотипов: ест много мяса (двойной чизбургер с беконом и мясной подливкой), играет по-крупному (однажды просадил 12 тысяч баксов за одну партию в блэкджек в казино «Боргата» в Атлантик-Сити) и если празднует, то празднует (синий «Джонни Уокер» в дни выигрышей, двенадцатилетний «Макаллан» – в остальные дни).

Вернувшись на рабочее место, я заметила, что левая рука опять онемела, – а может, онемение и не проходило вовсе? – и, кажется, покалывание распространилось и дальше по левой стороне тела, до пальцев ног. Странно, я даже не знала, волноваться мне или нет, поэтому позвонила Стивену.

– Трудно объяснить – рука затекла как будто, – сказала я по телефону, наклонив голову параллельно столу (провод совсем запутался).

– Как иголки, что ли? – спросил он, перебирая аккорды на гитаре.

– Иголки? Наверное. Не знаю. Очень странно. Раньше такого никогда не было, – ответила я.

– А тебя не знобит?

– Да нет вроде.

– Если не пройдет, иди к врачу, наверное.

Я закатила глаза. Услышать такое от парня, который сам много лет у врача не был? Мне нужно было посоветоваться с кем-то еще. Когда мы со Стивеном договорили, я развернула стул и обратилась к Анджеле.

– А ты не чихала неудачно или, может быть, наклонялась и резко выпрямлялась? – Ее тетя недавно так чихнула, что у нее сместился позвоночный диск и онемели руки.

– Сходила бы ты к врачу, – откликнулась наша коллега из соседней кабинки. – Может, конечно, я пересмотрела «Доктора Хауса», но, знаешь, сколько страшных болезней гуляет вокруг?

Тогда я посмеялась над ее словами, но в душе зародились сомнения. Хотя мои коллеги были склонны к преувеличениям – профессиональная особенность, – я услышала в их голосах искреннее беспокойство, и это заставило меня пересмотреть свое беспечное отношение к собственному самочувствию. В тот день в обеденный перерыв я наконец решила позвонить своему гинекологу Элау Ротштейну, который был для меня скорее другом, чем врачом, – ведь он лечил еще мою маму, когда та была беременна мной.

Ротштейн не был врачом-перестраховщиком: я была молода и в целом здорова, поэтому привыкла слышать от него, что «все нормально». Но на этот раз стоило мне описать свои симптомы, как его обычное радушие испарилось, и он серьезным тоном сообщил:

– Тебе надо как можно скорее записаться к неврологу. И немедленно прекращай принимать противозачаточные.

Он записал меня на прием к известному нью-йоркскому неврологу в тот же вечер.

Его реакция меня встревожила. Я поймала такси и отправилась в верхний Манхэттен. Мы долго юлили в вечернем потоке машин и наконец остановились у внушительного здания в Верхнем Ист-Сайде с грандиозным мраморным лобби и шеренгой привратников у входа. Один из них указал мне на деревянную дверь без опознавательных знаков справа. Контраст между холлом с хрустальными люстрами и невзрачным офисом врача был разительным – я словно совершила прыжок во времени и перенеслась в семидесятые. В приемной стояли три разномастных кресла с твидовой обивкой и диван, обтянутый светло-коричневой фланелью. Я выбрала диван и села ближе к краю, чтобы не провалиться в продавленную середину. На стенах висели картины: чернильный набросок старца с белой бородой, похожего на ветхозаветного Бога и держащего в руках какой-то инструмент, подозрительно напоминающий хирургическую иглу; пасторальный пейзаж и портрет придворного шута. Такое бессистемное оформление комнаты навело меня на мысль, что все в этом офисе, включая мебель, было куплено на гаражной распродаже или выброшено кем-то при переезде и принесено с улицы.

Над стойкой регистрации висело несколько эмоциональных объявлений: «УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА НЕ ЗВОНИТЬ ИЗ ГЛАВНОГО ЛОББИ И НЕ ЖДАТЬ ПАЦИЕНТОВ В ЛОББИ!!!!!!» «ПРОСЬБА ВНОСИТЬ ВЗАИМОПЛАТЕЖИ[3 - Имеется в

виду частичная оплата пациентом медицинских услуг (помимо той части, которую вносит страховая компания).] ДО ПРИЕМА!!!!!!»

– Я к доктору Бейли, – проговорила я.

Не улыбнувшись и даже не взглянув на меня, секретарша сунула мне папку с прикрепленным к ней листком.

– Заполните бланк. Ждите.

Я мгновенно заполнила форму. Это был последний раз в моей жизни, когда мне не составило никакого труда описать свою историю болезни. Принимаете ли лекарства по рецепту? Нет. Есть ли аллергия? Нет. Перенесенные операции, заболевания? Тут я замялась. Примерно пять лет назад мне диагностировали меланому в области поясницы. Болезнь поймали на ранней стадии и провели небольшую операцию по удалению. Обошлось без химиотерапии и прочего лечения. Я написала об этом. И хотя тогда я перепугалась не на шутку – рак, да еще в таком молодом возрасте, – мое отношение к своему здоровью в целом осталось спокойным, если не сказать беспечным: ипохондриком я точно не была.

Чтобы затащить меня на рутинный осмотр, маме обычно приходилось названивать мне и умолять, поэтому мое появление здесь, да еще в одиночку и по собственному желанию, было действительно чем-то из ряда вон выходящим. Но внезапная и столь нехарактерная тревога со стороны моего гинеколога заставила меня забеспокоиться. Мне нужны были ответы.

Чтобы не разнервничаться, я начала разглядывать самую странную и яркую картину в приемной – искаженное абстрактное человеческое лицо с черным контуром и яркими цветовыми пятнами – красные зрачки, желтые глаза, синий подбородок, черный нос в форме стрелы. Безгубая улыбка, обезумевший взгляд. Эта картина почему-то мне запомнилась и в последующие месяцы несколько раз всплывала в памяти. Пугающие искаженные черты, совсем не похожие на человеческие, порой успокаивали, порой вызвали отвращение, но пару раз помогли пережить самые темные времена. Потом я узнала, что это была картина Миро 1978 года «Carota» – в переводе с итальянского «морковь».

– Кэллахааааан, – рявкнула медсестра, неправильно произнеся мою фамилию.

Люди часто путали «Кэхалан» с «Кэлахан» – так часто, что я перестала обращать внимание. Я встала и подошла. Сестра проводила меня в смотровую, где никого не было, и протянула зеленую хлопчатобумажную ночнушку. Через пару секунд из-за двери донесся мужской баритон: «Тук-тук!» Доктор Сол Бейли был похож на чьего-нибудь дедушку. Он представился, протянул левую руку – мягкое, но сильное рукопожатие. По сравнению с моей маленькой ладонью его казалась мясистой, внушительной. Он не мешкая приступил к делу.

– Значит, вы пациентка Элая, – произнес он. – Расскажите, на что жалуетесь.

– На самом деле я не знаю. Странное чувство онемения. – Я помахала левой рукой, показывая, где именно. – И еще в стопе.

– Хм-м. – Он прочел мою анкету. – Болезнью Лайма не болели?

– Нет.

Было в его поведении что-то, отчего мне захотелось успокоить его, сказать: «Да забудьте, со мной все в порядке». Не хотелось обременять его своими проблемами.

Он кивнул:

– Тогда ладно. Давайте вас осмотрим.

Он провел стандартный неврологический осмотр. Один из многих сотен, которые мне предстояли. Проверил рефлексы молоточком; реакцию зрачков на свет; оценил мышечную силу, толкая своей рукой мою вытянутую руку; проверил координацию, приказав мне закрыть глаза и поднести пальцы к носу. Наконец он записал в анкете: «Результаты осмотра без особенностей».

– Я бы хотел взять у вас кровь на анализ, провести обследование и сделать МРТ. Я не вижу никаких отклонений, но, чтобы убедиться окончательно, лучше обследоваться, – добавил он.

В другой день я бы отложила МРТ на потом, но сегодня почему-то решила сделать его безотлагательно. В приемной лаборатории меня встретил молодой

худощавый оператор и провел в раздевалку. В отдельной комнате он вручил мне хлопчатобумажную ночнушку, велел полностью раздеться и снять украшения, так как они могли помешать работе аппарата.

Когда он вышел, я разделась, сложила одежду, сняла свое счастливое золотое колечко и положила его в шкафчик, запирающийся на ключ. Это кольцо мне подарил отчим на окончание колледжа – золото 14 карат с черным гематитом «кошачий глаз». В некоторых странах считается, что этот камень отгоняет злых духов. Оператор ждал меня у входа в раздевалку. Он с улыбкой проводил меня в комнату с томографом, помог взобраться на платформу, надел на голову шлем, завернул голые ноги в одеяло и вышел наблюдать за процедурой из отдельной комнаты.

Примерно полчаса я пролежала, слушая ритмичный грохот внутри машины, а потом услышала голос оператора, раздавшийся издалека:

– Отлично. Мы закончили.

Платформа выехала из томографа, я сняла защитный шлем, сбросила одеяло и встала на ноги, чувствуя себя неуютно в одной лишь больничной рубашке.

Оператор стоял, прислонившись к стене, и улыбался.

– Кем работаете?

– Репортером в газете, – ответила я.

– Правда? В какой?

– «Нью-Йорк Пост».

– Серьезно? В жизни не встречал настоящего репортера.

Мы зашагали к раздевалке. Я ему не ответила. Одеюсь как можно быстрее и бросилась к лифтам, чтобы избежать очередного разговора с ним, – он явно флиртовал, и это было неуместно. Процедура МРТ не слишком приятна, но в целом – ничего примечательного. Однако этот визит в лабораторию, и особенно

невинный разговор с лаборантом, почему-то запомнился мне надолго – как та картина, «Carota». Со временем мне стало казаться, что флирт лаборанта был не невинным, а злонамеренным – но это ощущение было целиком порождено моим воспаленным мозгом.

Лишь через много часов, по привычке собравшись покрутить кольцо на по-прежнему нечувствительном пальце левой руки, я поняла, что в этот тревожный день случилось кое-что по-настоящему плохое. Я забыла свое счастливое кольцо в том шкафчике.

* * *

– Как думаешь, очень плохо, что у меня по-прежнему рука немеет? – спросила я Анджелу на следующий день на работе. – И вся я какая-то деревянная и чувствую себя странно.

– А может, гриппом заболела?

– Чувствую себя ужасно. Кажется, у меня температура.

Я бросила взгляд на палец левой руки – тот, на котором теперь не было кольца. Меня подташнивало, и было дурное предчувствие, что кольцо так и не найдется. Я жутко переживала, что потеряла его, но почему-то мне духу не хватало позвонить в лабораторию: вдруг скажут, что правда его не нашли? Я иррационально хваталась за пустую надежду: уж лучше вообще не знать, что с ним. Я также понимала, что слишком плохо себя чувствую и скорее всего вечером не смогу поехать на выступление группы Стивена – «Морги». Ребята играли в баре в Гринпойнте, Бруклин. При мысли об этом мне становилось еще хуже.

Анджела посмотрела на меня и сказала:

– Выглядишь неважно. Давай я провожу тебя до дома.

В любой другой день я бы отказалась от ее предложения – особенно учитывая, что был вечер пятницы, дедлайн, когда обычно мы засиживались в офисе до десяти вечера или даже позже. Но меня так мучило, крутило и я настолько

злилась на себя, что согласилась. Путь до моего дома обычно занимал пять минут, но сегодня отнял полчаса – после каждого шага мне почти всякий раз приходилось останавливаться, – меня тошнило, но так и не вырвало. Когда мы наконец добрались до квартиры, Анджела заставила меня позвонить врачу, чтобы тот хоть что-то подсказал.

– Это ненормально. Ты уже давно себя плохо чувствуешь, – заметила она.

Я набрала номер горячей линии, работающий в неурочное время, и вскоре мне перезвонил мой гинеколог, доктор Ротштейн.

– У меня хорошие новости. Вчера пришли результаты МРТ – все в порядке. Мы исключили инсульт и тромб – два диагноза, которые очень меня волновали из-за противозачаточных.

– Я рада.

– Да, но я все же хочу, чтобы ты перестала принимать таблетки. На всякий случай, – проговорил он. – На МРТ выявились слегка увеличенные шейные лимфоузлы, так что, скорее всего, это какой-то вирус – возможно, мононуклеоз. Анализы крови еще не готовы, так что точно сказать нельзя.

Я чуть не рассмеялась вслух. Мононуклеоз в двадцать пять лет! Я повесила трубку. Анджела выжидающе смотрела на меня.

– Мононуклеоз, Анджела. Мононуклеоз!

Напряженное выражение тут же стерлось с ее лица, и она рассмеялась.

– Шутишь, что ли? Целовальная болезнь! Тебе что, тринадцать?

4. Рестлер

Мононуклеоз. Узнав причину своих напастей, я вздохнула с облегчением, и хотя всю субботу пролежала в постели, жалея себя, в воскресенье вечером собралась с силами и отправилась на концерт Райана Адамса[4 - Известный американский исполнитель в стиле кантри.] со Стивеном, его сестрой Шейлой и ее мужем Роем.

Перед концертом мы встретились в ирландском пабе и сели в обеденной зоне внизу, под низкой антикварной люстрой, отбрасывавшей на столики тусклые пучки света. Я заказала рыбу с картошкой, хотя меня мутило даже при виде картинки в меню. Стивен, Шейла и Рой о чем-то разговаривали, а я не могла выдавить из себя ни слова.

Прежде я встречалась с Шейлой и Роем всего пару раз и с ужасом думала о том, какое впечатление, должно быть, на них произвожу, но у меня не было сил поддерживать беседу. Думают, наверное, что я пустышка. Когда принесли мою рыбу, я тут же пожалела о том, что вообще заказала еду. Жареная треска в толстом кляре лоснилась жиром, ловившим отблески света от люстры. Картошка тоже была отвратительно жирной. Я возила еду по тарелке, надеясь, что никто не замечает, что на самом деле я не ем.

Мы приехали рано, но в зале уже было полно народу. Стивен хотел, чтобы я стояла как можно ближе к сцене, и стал проталкиваться сквозь толпу. Я пыталась следовать за ним, но, продвигаясь все дальше по тесным рядам зрителей – это были в основном мужчины тридцати с чем-то лет, – чувствовала, как головокружение и тошнота усиливаются.

– Я больше не могу! – крикнула я.

Стивен отказался от своей затеи и подошел ко мне. Я стояла в задней части зала, всем весом навалившись на колонну. Сумочка вдруг стала тяжелой – по ощущениям килограммов двадцать, не меньше, – и я с трудом удерживала ее на плече, потому что на полу места не было.

Музыка становилась все громче. Я люблю Райана Адамса, но как ни пыталась радоваться концерту, у меня получалось лишь вяло хлопать. За сценой висели две полуметровые голубые неоновые розы; их контур отпечатывался на сетчатке. Я чувствовала пульс толпы. Парень слева от меня закурил марихуану, и от ее сладкого запаха меня затошнило. Дыхание стоявших сзади парня и

девушки обжигало шею. Я не могла сосредоточиться на музыке. Это была пытка.

После мы сели в машину Шейлы, и она повезла нас домой к Стивену в Джерси-Сити. Стивен, Шейла и Рой обсуждали потрясающее выступление, а я так и сидела молча. Моя молчаливость показалась Стивену странной – обычно за язык тянуть меня не приходилось.

– Ну как, тебе понравилось? – спросил он, взяв меня за руку.

– Я почти ничего не помню.

* * *

После тех выходных я взяла три отгула на работе. Три отгула подряд – это очень много, а для нового репортера в штате – особенно. Даже когда я работала до четырех утра, тусуясь по заданию в клубах Митпэкинга, уже через несколько часов, по звонку, была на работе. Больничный не брала ни разу.

Я наконец решила рассказать о своей болезни маме, которая испугалась, услышав об онемении – тем более что чувствительность у меня пропала только с одной стороны. Я заверила ее, что всему причиной мононуклеоз. Папа, кажется, был меньше обеспокоен, но на третий день моего «больничного» вызвался приехать на Манхэттен и повидаться со мной. Мы встретились в пустом кинотеатре на Таймс-сквер и пошли на утренний показ «Рестлера».

– Я пытался забыть о тебе, – говорил дочери Рэнди по кличке «Баран», старый профессиональный рестлер, которого в фильме играет изрядно постаревший Микки Рурк. – Пытался сделать вид, что ты никогда не существовала, но не смог. Ты всегда была моей маленькой девочкой. А теперь я стал старым куском мяса, и я несчастен и одинок. Но я заслужил одиночество. Просто я не хочу, чтобы ты меня ненавидела.

Горячие слезы текли по моим щекам. Мне было неловко, я пыталась сдержать рыдания, но от этого стало лишь хуже. Не говоря ни слова отцу, я вскочила и побежала в туалет; там я спряталась в закрытой кабинке и рыдала до тех пор, пока это чувство не прошло. Затем собралась и вышла, чтобы вымыть лицо и руки, не обращая внимания на встревоженные взгляды блондинки средних лет у

соседней раковины. Когда она вышла, я посмотрела на себя в зеркало. Неужели Микки Рурк произвел на меня такое впечатление? Или все дело было в том, что в фильме затрагивалась тема отношений дочери и отца?

Мой отец не был силен в проявлениях чувств, никогда не говорил «я люблю тебя» даже детям. Жизнь его ожесточила. Он и своего отца – моего деда – единственный раз поцеловал, когда тот был при смерти. А теперь вот выделил время в своем расписанном до минут графике, чтобы посидеть со мной в пустом кинотеатре. Это и выбило меня из колеи.

Соберись, шепотом приказала я себе. Ты ведешь себя глупо.

Я вернулась к отцу, который, кажется, даже не заметил моего срыва, и просидела рядом с ним оставшуюся часть фильма уже без эксцессов. Когда пошли титры, отец сказал, что проводит меня до дома, и предложил осмотреть квартиру якобы на предмет клопов, но на самом деле потому, что тревожился о моем здоровье и хотел провести со мной побольше времени.

– Значит, врачи сказали – мононуклеоз? – спросил он.

В отличие от матери, которая дотошно просматривала списки лучших врачей в журнале «Нью-Йорк», отец всегда отличался недоверием к светилам медицины. Я кивнула и пожала плечами.

Когда мы подошли к дому, я снова почувствовала необъяснимый, но уже знакомый страх. Я вдруг поняла, что не хочу, чтобы он заходил внутрь. Когда я была подростком, он, как и большинство отцов, отчитывал меня за беспорядок в комнате. Но сегодня мне было стыдно за себя – ведь моя квартира, по сути, была не чем иным, как метафорой моей неудавшейся жизни. При мысли о том, что он увидит, как я живу, меня охватил ужас.

Черт. Я схватила пакет из аптеки, лежавший у двери.

– Забыла вынести кошачий туалет.

– Сюзанна. Соберись уже. Нельзя так жить. Ты же взрослая.

Мы стояли в дверях, оглядывая мое жилище. Он был прав: не квартира, а убогая помойка. Грязная одежда на полу. Переполненный мусорный бак. И черные мешки по всей комнате – те, в которые я складывала все ненужное в момент паники из-за клопов. Насекомых в квартире так и не нашли, и новых укусов я не замечала. Я уже почти поверила, что клопов больше нет, а в глубине души начала сомневаться, были ли они вообще.

5. Сердце в пятках

На следующий день, в четверг, я вышла на работу. Как раз хватило времени, чтобы закончить одну статью и придумать идеи двух новых. Но ни одна не прошла проверку.

«В следующий раз проверяй, пожалуйста, свои источники по базе», – написал мне Стив в ответ на обе новые идеи.

Сомнения – часть нашей работы, успокаивала я себя. Репортеры постоянно сомневаются в себе: порой выдаются кошмарные недели, когда статьи не пишутся, а источники начинают играть в молчанку, а бывает – все складывается лучшим образом и получается даже то, что кажется невозможным. Порой чувствуешь себя лучшим репортером в мире, а бывает, что и полной, законченной неудачницей, которой впору подыскивать работу секретарши. Но в конце концов число падений и взлетов выравнивается. Так почему моя черная полоса длилась так долго? Вот уже несколько недель я чувствовала себя совсем неудобно в своей «журналистской шкуре», и это меня пугало.

Злая на собственную безалаберность, я снова отпросилась домой пораньше, надеясь, что это все-таки моноклеоз и ничего больше. Может, мне просто нужно было хорошо выспаться, чтобы все вернулось на круги своя?

Всю ночь я ворочалась в кровати, буруеваемая тягостными размышлениями о своей жизни. Когда наутро прозвонил будильник, я выключила его и решила снова взять больничный. А проспав еще несколько часов, встала отдохнувшей и спокойной. История с моноклеозом казалась далеким кошмарным сном. Близились выходные, и у меня поднялось настроение. Я позвонила Стивену.

– Поехали в Вермонт. – Это был не вопрос, а утверждение.

Уже несколько недель мы планировали путешествие в Вермонт к моему сводному брату, но, с тех пор как я заболела, поездка откладывалась на неопределенный срок. Подозревая, что я по-прежнему не совсем выздоровела, Стивен стал под различными предлогами уговаривать меня не торопиться с путешествием, и тут я услышала сигнал звонка по другой линии.

Это был доктор Ротштейн.

– Готовы анализы крови. Это не мононуклеоз, – сообщил он. – Как ты себя чувствуешь?

– Намного лучше.

– Значит, это был какой-то неопознанный вирус, и твой организм его уже поборо.

Воодушевленная его словами, я перезвонила Стивену, настаивая, чтобы мы немедленно начинали собирать сумки и все-таки уехали на выходные. Он поддался моим уговорам. Вечером мы взяли у мамы ее черный «субару» и через четыре часа прибыли в Арлингтон, Вермонт. Выходные прошли идеально: утром в субботу и воскресенье мы ходили в уютный местный ресторанчик «Пора завтракать»; закупались в аутлетах и даже вышли на горнолыжную трассу – точнее, Стивен вышел кататься на сноуборде, а я читала «Большие надежды» в фойе отеля.

В воскресенье поднялась снежная буря, и мы вынуждены были остаться еще на день, но я только радовалась очередному отгулу. Я даже согласилась встать на лыжи, и Стивен повел меня на вершину небольшой горы.

До этого я уже несколько раз каталась на горных лыжах, и трассы средней сложности никогда не казались мне трудными, хоть я и не была профессионалом. Но на этот раз, чувствуя, как ветер бьет в лицо и снежинки жалят щеки, я смотрела на склон, и он казался гораздо круче, чем все предыдущие трассы, которые я осваивала. Длинный и узкий, он угрожающе простирался передо мной. Меня охватила беспомощность, и я запаниковала – пробудился какой-то первобытный страх, реакция «бей или беги». В жизни не

испытывала ничего подобного.

– Готова? – Голос Стивена доносился как будто издалека, заглушаемый воем ветра.

Сердце колотилось в висках, а в голове крутились возможные сценарии, один кошмарнее другого: что если я не смогу спуститься вниз? А если Стивен меня здесь бросит? Что если мое тело никогда не найдут?

– Я не могу, – прокричала я. – Не хочу! Не заставляй меня, пожалуйста.

– Да брось! – воскликнул он, но перестал подначивать меня, заметив, как я нервничаю. – Не бойся. Обещаю, все будет нормально. Поедем медленно.

Я нервно поехала вниз, а Стивен ехал следом. Примерно на середине склона я набрала скорость; страх, который я испытывала еще пару минут назад, показался абсурдным. Через несколько минут я в целости и сохранности добралась до подножия горы. Я понимала, что моя паника – нечто куда более серьезное, чем банальный страх высоты. Но Стивену ничего не сказала.

Вечером в понедельник я гостила у мамы в Нью-Джерси и по-прежнему не могла заснуть, но не из-за нервов, а из-за ностальгических воспоминаний. Перебрав свои старые вещи, я обнаружила, что наконец влезаю в брюки, которые еще на втором курсе могла натянуть только до середины бедер. «Наверное, я что-то делаю правильно», – радостно подумала я.

Моя болезнь накатывала и отступала, отчего все время казалось, что худшее позади. Но на самом деле симптомы лишь на мгновение ослабевали, чтобы уже через минуту заявить о себе с новой силой.

6. Самые опасные преступники Америки

Во вторник утром на работе у меня зазвонил телефон. Это был Стив. Кажется, он простил меня за недавнее отсутствие и никчемность или, по крайней мере, решил дать мне второй шанс.

– Завтра встретишься с Джоном Уолшем – он приедет давать интервью «Фокс Ньюс». У него в работе новый сюжет про подводные лодки, на которых перевозят контрабандные наркотики, – отличная статья на полразворота.

– О'кей, – ответила я, стараясь изобразить энтузиазм, а ведь раньше мне притворяться не приходилось.

Интервью у ведущего программы «Самые опасные преступники Америки» – это же правда интересно? Но мне никак не удавалось сосредоточиться. Для начала нужно было поискать вырезки на тему, и я позвонила Лиз – нашему «библиотекарю». Днем сотрудник архива, по ночам – викканская колдунья. Не знаю почему, но вместо помощи с картотекой я вдруг попросила ее погадать мне на картах Таро.

– Заходи, – скучающе протянула она.

Лиз занималась современной магией: свечи, заклинания, приворотные зелья. Недавно ее произвели в «высокие жрицы третьей степени», что давало ей право обучать магии других. Она носила ожерелья с пентаграммами в несколько рядов и струящиеся платья в стиле хиппи, а зимой даже расхаживала в черной мантии с капюшоном. От нее пахло благовониями с яркими нотками пачули, а глаза с тяжелыми веками были доверчивыми, щенячьими. В ней было что-то притягательное, и хотя я скептически относилась к ведьмовству и религии в целом, сегодня мне почему-то хотелось ей верить.

– Нужна твоя помощь, – проговорила я. – Что-то у меня все из рук валится. Погадаешь?

– Хм-м, – нахмурилась она, раскладывая колоду. – Хм-м. – Она заговорила, растягивая каждый слог: – Я вижу хорошее. Много позитивных изменений. У тебя будет другая работа. Что-то на стороне, не в «Пост». По части финансов все благополучно.

Я сосредоточилась на ее словах, омываемая волнами спокойствия. Как же я нуждалась в том, чтобы кто-то сказал мне, что все будет в порядке, что мои напасти – все лишь помехи на жизненном радаре. Правда, теперь я понимаю, что Лиз была не тем человеком, к кому следовало обращаться за поддержкой.

– Ох. Что-то у меня голова закружилась, – добавила она.

– Да, у меня тоже, – заметила я.

Вернувшись на место, я заметила, что Анджела расстроена. Оказалось, что от меланомы умер наш коллега – репортер из «Пост», на все руки мастер, выполнявший самые разные задания для газеты. Всем сотрудникам разослали письмо с приглашением на похороны в эту пятницу. Ему было всего пятьдесят три года. Я конечно же вспомнила о своей меланоме и остаток дня только и думала, что о печальной новости – хотя должна была собирать информацию о Джоне Уолше.

На следующее утро, после очередной бессонной ночи, я полезла в Гугл смотреть процент рецидивов меланомы, хотя на подготовку к интервью оставалось всего несколько минут. В 9.50, совершенно неподготовленная, я отправилась на встречу с Уолшем в пустой кабинет в конце коридора, надеясь, что как-нибудь выкручусь. Я шла по коридору, и с обеих сторон на меня смотрели передовицы «Пост» в рамках; буквы в заголовках словно пульсировали, то увеличиваясь, то уменьшаясь.

БИЛЛ МНЕ ИЗМЕНИЛ!

КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ВЗОРВАЛСЯ В ВОЗДУХЕ, СЕМЕРО ПОГИБШИХ

ПОГИБЛА ПРИНЦЕССА ДИАНА

КОРОЛЬ-ИЗВРАЩЕНЕЦ И Я

ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ ХИЛЛАРИ

Передовицы расширялись и сжимались на глазах, словно вдыхая и выдыхая. Поле зрения сузилось, как будто я смотрела в глубь коридора через видеоискатель. В мерцающем свете флюоресцентных ламп стены угрожающе надвигались на меня. Коридор становился темнее, а потолок – выше: ощущение было, как будто я в соборе. Приложив ладонь к груди, я попыталась успокоить скачущее сердце и велела себе дышать глубже. Это был не страх, а скорее

безопасный прилив адреналина, сродни тому, какой испытываешь, глядя вниз из окна стоэтажного небоскреба и зная, что не упадешь.

Наконец я добралась до двери кабинета, где меня ждал Уолш. Он по-прежнему был загримирован после интервью на канале «Фокс Ньюс»; под яркими студийными софитами грим слегка поплыл.

– Джон, здравствуйте, я Сюзанна Кэхалан. Репортер «Пост».

Стоило мне взглянуть на него, как в голову сразу пришла странная мысль – думает ли он сейчас о своем сыне Адаме, которого похитили в торговом центре в 1981 году и обнаружили год спустя убитым, с отрубленной головой? Я начала вспоминать подробности этого жуткого происшествия, плоско улыбаясь ему и его наманикюренной агентше.

– Здравствуйте, – проговорила она, прервав ход моих мыслей.

– О, доброе утро! Да. Меня зовут Сюзанна Кэхалан. Я репортер. Пишу об этой истории. Про контрабанду... контрабанду...

– На подводных лодках, – подсказал Уолш.

– У мистера Уолша всего пять минут, давайте начнем, – заметила агентша, не скрывая раздражения.

– У латиноамериканских наркобаронов сейчас мода на собственные подводные лодки «ручной сборки», – начал Уолш. – Это даже не подводные лодки, а скорее подводные аппараты, которые выглядят как суда.

Я записывала: «колумбийцы», «ручная сборка», «курс около десяти...», «нарколодки, остановить нарколодки!». Смысл его объяснений ускользал от меня, так что я просто записывала отдельные слова, чтобы со стороны казалось, будто я внимательно слушаю.

– Очень хитрый метод.

Услышав это, я безудержно расхохоталась, хотя мне было не совсем понятно – да и до сих пор непонятно, – что такого смешного я нашла в этой фразе. Агентша бросила на меня озадаченный взгляд и провозгласила:

– Простите, должна вас прервать. Джону пора ехать.

– Я вас провожу, – с наигранным энтузиазмом сказала я и проводила их до лифта.

Но по дороге мне едва удавалось держать равновесие: я врезалась в стены коридора, потянулась к двери, чтобы открыть ее перед ними, но промахнулась мимо ручки почти на полметра.

– Спасибо, спасибо. Я ваша большая поклонница, самая большая из всех, большая-пребольшая, – бормотала я, пока мы ждали лифта.

Уолш тепло улыбался – видимо, ему было не привыкать к подобным эксцентричным восторженным признаниям, хотя обычно я проводила интервью совсем не так... совсем не так.

– Было очень приятно, – ответил он.

Я до сих пор не знаю – и, наверное, не узнаю никогда, – что он на самом деле подумал об этой странной репортерше из «Пост» (то есть обо мне). Главным образом потому, что репортаж так и не вышел.

Этому интервью суждено было стать последним, что я провела до болезни; следующее было уже через 7 месяцев.

7. Снова в пути

Не помню, как я добралась домой после интервью и как провела часы, вымучивая очередной провальный репортаж, но после еще одной бессонной ночи (я не спала нормально уже неделю) я направилась в офис. Стояло чудесное раннее мартовское утро, солнце встало, на улице было холодно и свежо – чуть

ниже нуля.

Вот уже полгода по пути на работу и обратно я проходила Таймс-сквер, но сегодня, увидев ряды рекламных табло в самом центре площади, вдруг почувствовала, как яркие краски режут глаза. Я пыталась отвернуться, отгородиться от обрушившейся на меня цветовой волны, но ничего не вышло. Из ярко-синего треугольника – эмблемы жвачки – во все стороны растекались кислотные голубые завитки, и у меня аж волосы на голове зашевелились. Цвет вибрировал в кончиках пальцев ног. Ощущение было невероятным, вызывало и испуг, и восторг. Но последний длился всего секунду – слева я заметила движущуюся надпись «Добро пожаловать на Таймс-сквер», и меня чуть не стошнило прямо посреди площади. Шарики M&M's на электронном табло слева выписывали пируэты, отзываясь невыносимой болью в висках. Ощукая беспомощность перед таким натиском, я сняла варежки, закрыла глаза руками и, спотыкаясь, побрела вверх по Сорок восьмой улице, шатаясь, словно только что прокатилась по смертельному участку американских горок. Так я дошла до офиса, где освещение по-прежнему казалось ярким, но уже не таким агрессивным.

– Анджела, хочешь, скажу кое-что странное? – прошептала я, боясь, что кто-то еще услышит и подумает, что я сошла с ума. – Все цвета вокруг как-то усилились. У меня глаза от них болят.

– Как это? – спросила она, не в силах скрыть тревогу за улыбкой. С каждым днем я вела себя все более и более чудно. Но лишь тем утром мой бред испугал ее всерьез.

– Таймс-сквер. Все эти цвета, рекламные табло: они так ярко сверкают! Раньше такого не было.

– У тебя похмелье, что ли? – сказала она с нервным смешком.

– Да не пила я вообще. Кажется, я схожу с ума.

– Если правда волнуешься, сходи опять к врачу.

Со мной что-то не так. Так ведут себя только ненормальные.

Злясь на свою неспособность объяснить, что со мной происходит, я ударила по клавиатуре. Экран компьютера ярко вспыхнул и сердито уставился на меня. Я взглянула на Анджелу – она заметила? – но та проверяла почту.

– Я так не могу! – закричала я.

– Сюзанна, Сюзанна! Эй, да что с тобой такое? – спросила Анджела, удивившись моему выплеску. Истерики были мне совершенно несвойственны, и сейчас, когда все вокруг смотрели на меня, я чувствовала себя униженной, беззащитной перед их взглядами. Жгучие слезы покатались по лицу на рубашку. – Ты почему плачешь?

Я пожала плечами: мне было стыдно говорить об этом, тем более что я сама не понимала, что со мной.

– Хочешь прогуляться или еще что? Кофе выпить?

– Нет, нет. Не знаю, что со мной такое. Все из рук валится. Плачу вот без причины, – всхлипнула я.

Рыдания сотрясали все тело с ног до головы; я стала их пленницей, и чем больше старалась задавить их, тем сильнее они накатывали. Что провоцирует эти истерики? Я перебирала в уме все, что могла осмыслить, раскладывала свою жизнь по полочкам, анализировала все, в чем не была уверена.

Я не умею делать свою работу. Стивен меня не любит. У меня нет денег. Я ненормальная. Я дура.

Коллеги потихоньку стекались в офис – все в черном после похорон репортера, которые я пропустила, так как была слишком поглощена своими проблемами.

Может, поэтому я плачу? Но я его почти не знала. А может, из-за себя? Потому что тоже могу умереть совсем скоро?

Ко мне повернулась наша коллега, сидевшая напротив Анджели.

– Сюзанна, с тобой все в порядке?

Мне было ненавистно ее внимание. Я метнула на нее презрительный взгляд, вложив в него всю свою злобу.

– Не надо меня жалеть.

Слезы лились по щекам, но, к своему удивлению, я вдруг поняла, что мне уже не грустно. Я чувствовала себя нормально. Нет, даже не нормально. Прекрасно. Я была счастлива – нет, даже не просто счастлива, – я парила на облаке; никогда в жизни мне не было так хорошо. Слезы лились, но одновременно я начала смеяться. По позвоночнику прокатилась теплая волна. Мне хотелось танцевать, петь, делать что угодно, лишь бы не сидеть здесь и не мушкетировать свои воображаемые несчастья. Я побежала в туалет, чтобы умыться. Пустив холодную воду, взглянула на туалетные кабинки... и они вдруг показались совершенным абсурдом. Как такое вообще возможно, что при нынешнем развитии цивилизации люди по-прежнему испражняются в полуметре друг от друга? Я смотрела на кабинки и, слушая шум спускаемой воды, не могла поверить, что сама когда-то запиралась в одной из них.

Когда я вернулась на рабочее место, эмоции вроде бы улеглись, и я позвонила Маккензи и договорилась с ней встретиться внизу. Пару недель назад, когда я рассказала ей об обыске в квартире Стивена, она очень меня поддержала, и теперь я снова хотела с ней посоветоваться. Но когда я увидела ее позади нашего офисного здания – она, как и другие, была в черном, так как только что вернулась с похорон, – мне вдруг стало стыдно за свой эгоизм и озабоченность лишь собственными проблемами.

– Прости, что беспокою тебя, когда ты так переживаешь, – проговорила я. – Я настоящая эгоистка, что веду себя так сейчас.

– Ничего. Что стряслось? – спросила она.

– Я просто... я просто... скажи, у тебя бывало так, что ты... ну словно сама не своя?

Она рассмеялась:

– Да я все время сама не своя.

– Нет, это другое. Со мной что-то не так, серьезно. Цвета режут глаз, плачу и не могу успокоиться... Я себя не контролирую, – выпалила я, вытирая остатки слез с распухших глаз. – Может, у меня нервный срыв? Я схожу с ума? Как считаешь?

– Ну, сама ты это вряд ли поймешь. Тебе бы к доктору надо, Сюзанна. Знаешь что, запиши все свои симптомы – как будто готовишь репортаж. Постарайся ни о чем не забыть. Даже о мельчайших деталях: они могут оказаться самыми важными, сама знаешь.

Гениальная идея. Я практически бегом ринулась вверх, чтобы поскорее все записать. Но когда села за стол, написала лишь следующее:

Потом я начала рисовать бесцельные каракули, но совсем не помню, как нарисовала это и почему:

«Люди в отчаянии, они готовы на все», – вот что я написала. Потом вдруг бросила писать и начала убираться на столе: смахивать с него бутылки с водой, недопитые чашки с кофе, старые статьи, которые не собиралась больше читать. Я вынесла несколько стопок книг – уже не помню, зачем их хранила, – в мусоропровод на нашем этаже, избавляясь от свидетельства моего воображаемого накопительства, которым я (как мне тогда казалось) страдала. Я

вдруг почувствовала, что полностью контролирую свою жизнь. Вернулось ощущение расправшего меня счастья. Но даже тогда я понимала, что эта эйфория опасна. И боялась, что если не буду ценить это состояние и делиться им, то перегорю так же быстро, как загорелась.

* * *

Вернувшись за стол, я ударила по нему кулаками.

– Все будет отлично! – провозгласила я, не обращая внимания на изумленные взгляды Анджелы. Затем направилась к столу Пола, окрыленная своей новой, необычайно простой жизненной теорией. – Пойдем спустимся вниз, покурим!

Мы сели в лифт, и Пол заметил:

– Выглядишь намного лучше.

– Спасибо, Пол. Я и чувствую себя лучше. Снова сама на себя похожа. Нам надо многое обсудить. – Мы закурили. – Знаешь, до меня наконец дошло, что не так. Я хочу, чтобы мне давали больше репортажей. И чтобы темы были поинтереснее. Я хочу заниматься крупными расследованиями. Не какими-то там «специальными репортажами». Настоящими расследованиями, понимаешь? Настоящими серьезными разоблачениями.

– Что ж, отлично, – ответил Пол, но вид у него был обеспокоенный. – С тобой все в порядке? Тараторишь, как пулеметная очередь.

– Прости. Это просто вдохновение!

– Я рад, что у тебя появилось вдохновение, потому что мне докладывали, что ты сегодня плакала на работе, а весь месяц тебе нездоровилось.

– Это все в прошлом. Я со всем разобралась.

– Скажи, а ты с мамой давно разговаривала? – вдруг спросил он.

– Недавно, пару дней назад. А что?

– Просто интересно.

Пол пытался понять, что со мной происходит, чтобы позднее поделиться с Анджелой своими соображениями – не признаки ли это грядущего нервного срыва. Такое уже случилось с одной его знакомой журналисткой, к которой он был неравнодушен. Все началось с того, что она стала слишком ярко и вульгарно краситься и вести себя странно. А потом ей диагностировали шизофрению.

Выдержав минут десять моего бреда, Пол вернулся в здание и позвонил Анджеле:

– Надо позвонить ее матери или еще кому-то. С ней явно что-то творится.

Пока Пол был наверху и разговаривал с Анджелой, я стояла на улице. Если бы в тот момент кто-нибудь посмотрел на меня со стороны, то решил бы, что я погружена в размышления или обдумываю репортаж – ничего необычного. Но на самом деле я была далеко. Маятник снова качнулся в другую сторону, и я вдруг почувствовала, что меня шатает и я боюсь высоты, – то же чувство, что охватило меня на вершине горы в Вермонте, только без первобытного ужаса. Я парила над толпой своих коллег. Как будто со стороны я увидела собственную макушку – так близко, что можно было почти дотянуться и дотронуться до самой себя. Потом я увидела Лиз, ведьму и по совместительству заведующую архивом, и мое «я» вернулось в тело, стоявшее на двух ногах.

– Лиз, Лиз! – прокричала я. – Разговор есть!

Она остановилась.

– О, Сюзанна, привет. Как дела?

Но у меня не было времени на обмен любезностями.

– Лиз, у тебя когда-нибудь возникало такое чувство, как будто ты здесь, а вроде как тебя и нет?

– Конечно, все время.

– Да нет же, нет, ты не поняла! Я вижу себя как будто сверху, словно лечу над собой и смотрю вниз, – объяснила я, заламывая руки.

– Это нормально, – сказала она.

– Да нет же, нет! Как будто я вышла из тела и смотрю на себя со стороны.

– Ну да.

– Как будто я в своем отдельном мире! А не в этом мире.

– Я понимаю, о чем ты. Скорее всего, это остаточный эффект вчерашнего астрального путешествия, которое ты совершила, когда я гадала тебе на Таро. Кажется, я нечаянно перенесла тебя в иные сферы. Прости. Постарайся расслабиться и не сопротивляться происходящему.

Тем временем Андже́ла, встревоженная моим странным поведением, заручилась разрешением Пола сводить меня в бар соседнего «Мариотта», якобы чтобы выпить, а на самом деле – чтобы выудить у меня побольше сведений, которые помогли бы пролить свет на причину моего странного поведения. Когда я вернулась в редакцию, Андже́ла уговорила меня взять вещи и прогуляться с ней несколько кварталов в сторону от Таймс-сквер, на север, к отелю. Мы зашли в лобби через вращающиеся двери и встали у прозрачного лифта рядом с группой туристов, ждущих своей очереди, чтобы подняться в бар, находившийся на восьмом этаже. Вокруг было слишком много людей. Мне стало трудно дышать.

– Давай поедem на эскалаторе, – взмолилась я.

– Конечно.

Но на эскалаторе, украшенном с двух сторон рядами сияющих лампочек, моя тревога лишь усилилась. Я старалась не обращать внимания на учатившийся стук сердца и капли пота, выступившие на лбу. Андже́ла стояла на несколько ступенек выше, и вид у нее был очень обеспокоенный. Мою грудь распирало от страха, и вдруг я снова заплакала.

На третьем этаже мне пришлось сойти с эскалатора, чтобы успокоиться. Я рыдала навзрыд. Анджела положила руку мне на плечо. Прежде чем мы добрались до восьмого этажа, мне пришлось сходить с эскалатора трижды, чтобы прийти в чувство.

Наконец мы очутились на восьмом этаже, где был бар. Перед глазами взвихрились узоры ковров, напоминающие декорации к авангардной экранизации «Лоуренса Аравийского». Чем пристальнее я в них всматривалась, тем больше они расплывались. Наконец, я просто попыталась их игнорировать. Бар на сто с лишним мест с видом на Таймс-сквер был почти пуст, не считая нескольких групп бизнесменов, занявших стулья у входа.

Когда мы вошли, я все еще плакала, и несколько человек оторвались от своих коктейлей и вытаращились на меня, отчего я почувствовала себя еще более несчастной и жалкой. Слезы не прекращались, и я не могла понять почему. Мы расположились в центре комнаты на высоких табуретах, подальше от прочих посетителей. Я не смогла сформулировать, что хочу, поэтому Анджела заказала мне белое вино, а себе пиво.

– Что с тобой на самом деле творится? – спросила она, сделав небольшой глоток янтарного напитка.

– Да много что. Работа. Я ужасный журналист, ужасный! Стивен. Он меня не любит. Вся моя жизнь разваливается. Ничего не понимаю, – проговорила я, по привычке держа винный бокал в руке – это успокаивало, – но так и не отпив из него.

– Понимаю. Ты очень молода. Работа напряженная, новый бойфренд. Все так неопределенно, и это пугает. Но неужели ты из-за этого так расстроилась?

Она была права. Я много раздумывала над своим состоянием, но никак не могла найти недостающую деталь, благодаря которой картина бы прояснилась, – я словно пыталась совместить кусочки от нескольких головоломок, не подходящие друг к другу.

– Есть еще кое-что, – согласилась я. – Но я не знаю, что именно.

Домой я вернулась к семи, и Стивен уже ждал меня. Я не стала признаваться, что была с Анджелой в баре, а соврала, что задержалась на работе. Мне почему-то казалось, что я должна скрыть от него свое странное поведение, хотя Анджела посоветовала сказать ему всю правду. И все же я предупредила его, что в последнее время сама не своя и плохо сплю.

– Не переживай, – ответил он. – Сейчас открою бутылку вина. Сразу заснешь.

Глядя, как Стивен методично помешивает соус для пасты с креветками, вдев кухонное полотенце в петлю для ремня, я почувствовала себя виноватой. Стивен был прекрасным поваром, все время придумывал что-то новенькое, но сегодня я не могла просто сидеть и радоваться тому, как он вокруг меня носится. Я встала и начала мерить шагами комнату. Меня швыряло от чувства вины к любви и отвращению, а потом все по новой. Я не могла утихомирить свои мысли и потому решила не сидеть неподвижно, чтобы хоть чуть-чуть успокоиться. А главное – мне не хотелось, чтобы Стивен видел меня такой.

– Знаешь, я в последнее время почти не сплю, – наконец заявила я. По правде говоря, я с трудом припоминала, когда мне в последний раз удавалось нормально поспать. Три дня я не спала точно, но бессонница мучила меня уже несколько недель – то больше, то меньше. – Наверное, тебе тоже трудно рядом со мной уснуть.

Он оторвался от пасты и улыбнулся:

– Не переживай. Ты будешь спать крепче, если я буду рядом.

Он протянул мне тарелку с пастой, щедро посыпав ее пармезаном. При виде еды живот скрутило, а когда я попробовала креветку, то чуть не подавилась. Стивен набросился на свою порцию, а я возила свои несчастные макароны по тарелке и смотрела на него, пытаюсь скрыть отвращение.

– Что такое? Не нравится? – обиженно спросил он.

– Да нет... не в этом дело. Просто я не голодна. Завтра тоже будет вкусно, – бодро проговорила я, одергивая себя, чтобы снова не начать ходить по квартире.

Не удавалось зацепиться ни за одну мысль; меня захлестнули самые разные желания, меня бросало от чувства вины к любви и отвращению, а потом все по новой.

Наконец я немного расслабилась и смогла прилечь на раскладной диван со Стивеном. Он налил мне бокал вина, но я оставила его на подоконнике. Наверное, интуитивно понимала, что в моем состоянии алкоголь только ухудшит дело. Вместо вина я курила одну сигарету за другой, обжигая пальцы.

– Ты сегодня раскурилась, – заметил Стивен, потушив свою сигарету. – Может, поэтому есть не хочется?

– Да, хватит мне, наверное, – ответила я. – Сердце бьется, как будто хочет вырваться из груди.

Я передала Стивену пульт, и он включил «Пи-Би-Эс». Его мерное дыхание постепенно переросло в храп, а на экране замелькала заставка передачи «Испания – снова в пути» – реалити-шоу, в котором актриса Гвинет Пэлтроу, шеф-повар Марио Батали и кулинарный критик «Нью-Йорк таймс» Марк Биттман путешествуют по Испании. «О боже, только не Гвинет Пэлтроу», – подумала я, но переключать канал было лень. Батали лакомился сытной яичницей с мясом, а Гвинет ковыряла жидкий йогурт из козьего молока. Когда он предложил ей попробовать кусочек своего блюда, она отказалась.

«Прекрасное блюдо для семи утра», – саркастически заметила она. По ее лицу было видно, какое отвращение у нее вызывает его пузо.

Я смотрела, как она клюет свой йогурт, и у меня скрутило желудок. Я поняла, что за последнюю неделю совсем мало ела.

«Не задирай нос, а то споткнешься», – ответил Марио.

Я рассмеялась, а потом все вдруг поплыло перед глазами.

Гвинет Пэлтроу.

Яичница с мясом.

Темнота.

8. Внетелесный опыт

Вот как позднее описывал эту кошмарную сцену Стивен. Я разбудила его странными глухими стонами, к которым примешивались звуки работающего телевизора. Сначала он подумал, что я скрежещу зубами, но потом, когда скрежетание переросло в высокочастотный визг (как наждачка по металлу) и глухое мычание, похожее на то, что издают душевнобольные, понял, что что-то не так. Он решил, что я не могу уснуть, но повернувшись, увидел, что я сижу на кровати с открытыми глазами – невидящий взгляд, зрачки расширены.

– Эй, что с тобой?

Молчание.

Когда он заговорил со мной и сказал, чтобы я расслабилась, я повернулась к нему, но смотрела сквозь него, как одержимая. Я вдруг начала размахивать руками перед собой, как мумия; глаза закатились, а тело напряглось. Я глотала ртом воздух.

Напряжение в теле усилилось; я вдыхала, но не делала выдох. Изо рта сквозь стиснутые зубы хлынула пена и кровь. Стивен, поборов крик паники, мгновение просто смотрел на мое трясущееся тело, не в силах сдвинуться с места.

Наконец он бросился ко мне – и, хотя никогда раньше не видел припадков, понял, что делать. Он уложил меня на спину, повернул голову набок, чтобы я не захлебнулась, и побежал звонить в «Скорую».

* * *

Этот припадок я так и не помню – впрочем, как и все последующие. Этот момент – мой первый серьезный «вылет» из сознания и памяти – стал той самой чертой, что для меня отграничила нормальность от сумасшествия. И хотя в

последующие недели в голове у меня иногда прояснялось, с того самого момента жизнь моя изменилась навсегда: мне уже не стать прежней.

То было начало тяжелейшего периода моей болезни, пребывания в некоем промежуточном состоянии, чистилище, отделявшем реальный мир от облачного, вымышленного, состоящего из галлюцинаций и параноидального бреда.

Начиная с этого дня в описаниях я все больше буду полагаться на слова окружающих, пытаюсь восстановить потерянное время.

Позднее мне сказали, что этот припадок просто был самым заметным и ярко выраженным из всех, а на самом деле за прошедшие дни я пережила их уже несколько. Все, что творилось со мной в предыдущие несколько недель, было всего лишь одним из проявлений куда более серьезной и ожесточенной борьбы, которая велась на самом примитивном уровне в моем мозгу.

Работу здорового мозга можно сравнить с симфонией, исполняемой оркестром из 100 миллиардов нейронов. Действия отдельных нервных клеток сливаются в гармоничное целое. Благодаря этой «музыке» мы думаем, двигаемся, вспоминаем и даже чихаем. Но чтобы испортить звучание всего оркестра, достаточно лишь одного расстроенного инструмента. Когда в результате болезни, травмы, опухоли, недосыпания или злоупотребления алкоголем нейроны начинают «играть» без пауз, мимо нот или вступают все одновременно, возникает какофония – то есть припадок.

А некоторых людей настигает тонико-клонический припадок – как раз такой, свидетелем которого стал Стивен. Такие припадки характеризуются потерей сознания, мышечной ригидностью и странными произвольными движениями, напоминающими синхронизированный танец, – те самые жуткие взмахи руками, «танец зомби», который я исполняла. А бывают припадки менее проявленные, которые выражаются, например, в длительной фиксации взгляда в одной точке, помутнении сознания и повторяющихся движениях губ или тела. В конечном счете, если отсутствует лечение, припадки могут привести к повреждению когнитивных способностей и даже смерти.

* * *

Выяснилось, что, помимо сильнейшего тонико-клонического припадка, я также пережила несколько частичных припадков с различными симптомами. Причиной была чрезмерная стимуляция височных долей большого мозга – части мозга, наиболее подверженной раздражению. В височной доле расположены «древние» мозговые структуры, отвечающие за эмоции и память, – гиппокамп и миндалина. Симптомами подобного припадка могут быть приподнятое настроение, как в утро Рождества, сексуальное возбуждение или опыт, который ошибочно принимают за религиозный или мистический. Некоторые больные сообщают о чувстве дежавю и его противоположности – жамевю, когда все вокруг кажется незнакомым (то самое чувство, что я испытала в офисном туалете). Кто-то видит нимбы света, другим мир начинает видеться странно непропорциональным (синдром получил название «эффекта Алисы в Стране чудес») – это произошло со мной, когда я шла на встречу с Джоном Уолшем. Нередки приступы светобоязни – повышенной чувствительности к свету: то, что случилось со мной на Таймс-сквер. Все это распространенные симптомы или предвестники припадков, вызванных нарушениями в височных долях большого мозга.

Небольшой процент людей, страдающих височной эпилепсией, также сообщают об ощущении «внетелесного опыта», описывая его как выход из тела и способность смотреть на себя со стороны – как правило, сверху.

Вот я на носилках.

А вот мое тело загружают в карету «Скорой помощи», а Стивен держит меня за руку.

Вот меня ввозят в больницу.

А вот и я. Парю над происходящим, глядя на все сверху вниз. Я спокойна. Я не боюсь.

9. Капля безумия

Первое, что я увидела, придя в себя, – бездомный, которого рвало всего в паре шагов от меня в ярко освещенной палате. В другом углу был еще один пациент – избитый и окровавленный, прикованный наручниками к кровати. Рядом с его койкой стояли двое полицейских.

Неужели я умерла?

Меня охватила ярость при виде такого соседства. Да как они смели поместить меня сюда? Моя злость перекрывала все остальные эмоции, даже страх, и я взорвалась. Несколько недель я была сама не своя, но истинный ущерб, нанесенный моей психике, только сейчас проступил на поверхность. Вспоминая то время, я понимаю, что поддалась болезни, позволив всем личным качествам, которые считала ценными – терпению, доброте, учтивости, – просто испариться. Я стала рабыней махинаций своего воспаленного мозга. В конце концов все мы являемся лишь суммой составляющих, и, когда организм нас подводит, все добродетели, которыми мы дорожим, приносятся в жертву болезни.

Я еще не умерла. Еще не хватало умереть из-за него – из-за этого оператора из лаборатории.

Я почему-то убедила себя, что виноват в моем состоянии оператор из лаборатории МРТ, который флиртовал со мной во время процедуры.

– А ну, вытащите меня отсюда! СЕЙЧАС ЖЕ! – командным тоном приказала я. Стивен взял меня за руку; мой деспотический тон его испугал. – Я не собираюсь оставаться в этой палате!

Я не могу умереть здесь. Рядом с этими уродами.

К моей кровати подошел врач.

– Да, сейчас мы вас переведем.

Я испытала триумф, восторг от своей новообретенной силы. Люди слушаются меня, когда я им приказываю! Чем переживать, что моя жизнь выбилась из-под контроля, я сосредоточилась на всем том, что придавало мне сил. Медсестра и медбрат выкатили мою кровать из комнаты и перевезли меня в соседнюю отдельную палату. Когда мы поехали, я схватила Стивена за руку. Мне было его жаль. Он не знал, что я умираю.

– Мне жаль тебя расстраивать, – тихо проговорила я, – но я умираю от меланомы.

Стивен выглядел усталым.

– Прекрати, Сюзанна. Не говори так. Ты не знаешь, что с тобой не так.

Я заметила, что его глаза полны слез. Ему это не по плечу. Вдруг ярость заклокотала во мне с новой силой.

– Я знаю, что со мной не так! – закричала я. – Да я в суд на него подам! Останется без последней рубашки! Думает, можно вот так просто подкатить ко мне, а потом бросить меня умирать? Нет, так нельзя! О, в суде я его уничтожу!

Стивен резко выдернул руку – как будто обжегся.

– Сюзанна, прошу, успокойся. Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Парень из лаборатории МРТ! Он приставал ко мне! И у него-то нет меланомы. Все, я подаю в суд!

Молодой врач прервал мои бредни:

– Дома, пожалуйста, ознакомьтесь с этой информацией. Если хотите, могу порекомендовать хорошего дерматолога. К сожалению, мы больше ничем не можем помочь. – В клинике мне провели компьютерную томографию, стандартный неврологический осмотр и сделали анализ крови. – Мы вас выписываем и советуем завтра же утром обратиться к неврологу.

– Выписываете? – воскликнул Стивен. – Вы ее отпускаете? Но вы же так и не выяснили, что с ней, и припадок может повториться. Как можно просто взять и отпустить ее?

– Мне очень жаль, но припадки – очень распространенное явление. Иногда бывает, что они больше не повторяются. Но это приемная «Скорой помощи» – мы не можем оставить ее здесь и наблюдать. Мне очень жаль. Советую вам завтра же утром обратиться к неврологу.

– А я на этого лаборанта все равно в суд подам!

Терпеливо кивая, врач покинул нас, чтобы заняться ожидавшими его пациентами с огнестрельными ранениями и передозировками.

– Надо позвонить твоей маме, – сказал Стивен.

– Зачем? – возразила я, и мой голос поменялся – стал мягче. Я снова стала прежней собой. Маниакальные эпизоды проходят так же быстро, как возникают. – Не хочу, чтобы она волновалась.

Мама по природе тряслась из-за каждой мелочи, и до сих пор я так до конца и не рассказала ей обо всем, что со мной творилось.

– Я должен ей позвонить, – не унимался Стивен и все же выпытал у меня ее домашний телефон.

Он вышел в коридор, и после двух невыносимо долгих гудков трубку снял Аллен – мой отчим.

– Алло, – сонно проговорил он с сильным акцентом, сразу выдававшим в нем жителя Бронкса.

– Аллен, это Стивен. Я в больнице. У Сюзанны был припадок, но сейчас все в порядке.

Донесся мамин крик:

– Аллен, кто это?

– С ней все будет в порядке. Ее отпустили, – продолжал Стивен.

Мама ощутила волну подступающей паники, но Аллен сохранял спокойствие. Он велел Стивену отвезти меня домой и лечь спать и пообещал, что утром они приедут. Позднее Аллен рассказывал, что, когда он повесил трубку, они с мамой переглянулись: была пятница, тринадцатое.

Маму охватило дурное предчувствие, и она начала плакать, не в силах совладать с собой: она не сомневалась, что со мной что-то серьезное. Это был первый и последний раз, когда она позволила себе целиком поддаться эмоциям; в кошмарные месяцы, следовавшие за этим днем, она не сорвалась ни разу.

* * *

С утра, пока Аллен искал, где припарковаться, мама первой объявилась на пороге и, как всегда, выглядела безупречно. Однако ее тревога была заметна невооруженным глазом. Раньше она боялась даже упоминания о раке по радио, а теперь еще какой-то загадочный припадок. Я наблюдала за ней с кровати: она заламывала свои красивые тонкие руки (больше всего я любила ее руки) и засыпала Стивена вопросами о ночи, что мы провели в больнице.

– Они объяснили, что с ней? Что за врач ее осматривал? Ей сделали МРТ?

Пришел Аллен, обнял ее и стал массировать ей мочку уха – так он успокаивал своих близких. Стоило ему коснуться ее, и она расслабилась. Аллен был третьим маминым мужем, а мой отец – вторым; первым был архитектор, но тот брак развалился по многим причинам, главным образом потому, что моя мама – типичная феминистка 1970-х – не хотела иметь детей. Куда больше ее интересовала карьера: она работала (и до сих пор работает) в офисе манхэттенского окружного прокурора. Когда они с папой познакомились, мама ушла от первого мужа; у них родилась я, а потом и мой брат Джеймс. Несмотря на решение завести детей, их отношения были обречены с самого начала: с таким взрывным темпераментом и упрямством, как у них обоих, странно, что они оставались женатыми почти двадцать лет и только потом развелись.

Мама с Алленом познакомились тридцать лет назад в офисе окружного прокурора – задолго до того, как мама вышла за отца. Аллен был ее преданным другом и тем завоевал ее расположение. Он стал ее доверенным лицом и на работе, и в жизни, и поддерживал ее во время бракоразводного процесса. Брат Аллена был шизофреником, и из-за этого Аллен вел очень замкнутую жизнь: у него было лишь несколько близких друзей, он жил в собственном мире. В общении с близкими он был очень открытым, бурно жестикулировал, заразительно смеялся. Но с незнакомыми больше молчал и был настороже, и из-за этого некоторым даже казался грубым. Но в последующие несколько недель его доброта и спокойствие, не говоря уж об опыте тесного общения с душевнобольными, оказались для нас бесценными.

До припадка у них с мамой была своя теория, сложившаяся на основе тех скудных сведений, что им удалось собрать о моем странном поведении в прошлом месяце. Они думали, что из-за стресса на работе и груза ответственности самостоятельной жизни у меня случился нервный срыв. Однако припадок не вписывался в эту картину, и поэтому их беспокойство усилилось. Посоветовавшись, они решили, что лучше всего будет перевезти меня к ним домой в Саммит, Нью-Джерси, где они смогли бы обо мне позаботиться.

Пробуя разные тактики, Стивен, мама и Аллен пытались заставить меня встать с кровати, но я не поддавалась. Тогда мне казалось, что главное – несмотря ни на что остаться в своей квартире, ведь возвращение в родительский дом означало бы, что я как дитя малое. И хотя мне бы не помешала их забота, я совершенно этого не хотела. Тем не менее совместными усилиями им удалось вытащить меня из квартиры и усадить в «субару» Аллена.

* * *

Саммит – «одно из лучших мест для жизни в Америке», по мнению журнала Money[5 - Деньги (англ.)], – богатый пригород в 32 километрах от Манхэттена, пристанище обеспеченных белых американцев и банкиров с Уолл-стрит, собирающихся в многочисленных загородных клубах на территории 10 кв. км. Мы переехали в Саммит из Бруклина в 1996 году, и, хотя лучшее место для воспитания ребенка трудно было представить, моей семье так и не удалось вписаться в окружение. В квартале, состоящем из одних белых домов, наш дом был единственным, выкрашенным в лавандовый, серый и фиолетовый, – так решила мама. В шестом классе одна из девчонок в школе сказала мне: «Моя

мама говорит, что вы его скоро в горошек раскрасите». В конце концов мама перекрасила дом в менее возмутительный серо-голубой.

Заново привыкая к родительскому дому в течение следующих несколько дней, я не отдыхала, предаваясь воспоминаниям о проведенных здесь годах, а все сильнее и сильнее тосковала по жизни на Манхэттене, которую оставила позади. В воскресенье вечером я вдруг вбила себе в голову, что мне просто необходимо сдать давно просроченную статью – обычный репортаж о внебродвейской танцевальной труппе, состоящей из инвалидов. Они называли себя «Калеки».

«Они не похожи на других танцоров», – начала я. Но строчка мне не понравилась, и я ее удалила. В течение следующего получаса я писала, стирала и снова писала одно и то же предложение, пытаюсь преодолеть писательский ступор. Я пошла в гостиную, где мама с Алленом смотрели телевизор, желая поделиться с ними своей неспособностью сформулировать мысль. Но на пороге комнаты не смогла вспомнить, зачем пришла.

Из телевизора, включенного на полную громкость, доносилась заглавная мелодия их любимого сериала – медицинской драмы «Доктор Хаус». Вдруг приглушенно-зеленая обивка дивана показалась невыносимо яркой.

Потом комната начала пульсировать и дышать – как коридор тогда, в офисе.

Я услышала мамин голос, тонкий и раздававшийся словно издалека:

– Сюзанна, Сюзанна! Ты меня слышишь?

Следующее, что я помню: мама сидит рядом со мной на диване и растирает мои стопы, скрючившиеся в болезненном мышечном спазме. Я беспомощно взглянула на нее.

– Не знаю, что это было. Ты была как в трансе, – сказала она.

Мама с Алленом перекинулись встревоженными взглядами и позвонили доктору Бейли, чтобы назначить мне экстренный прием. Он ответил, что сможет только в понедельник.

* * *

Я провела выходные в Саммите, не отвечая на звонки обеспокоенных коллег и друзей. Я так стыдилась своего необъяснимого поведения, что не хотела ни с кем говорить, а странные вещи, происходившие в моей голове, заставили меня отвернуться от близких, хотя обычно я так никогда не поступала. Но по какой-то причине на один звонок я все же ответила – когда увидела, что звонит моя подруга Джули, – фотограф «Пост» и самый легкий в общении и беззаботный человек из моих знакомых. Стоило нам заговорить, и я выложила ей все: и про свои припадки, и про странные мысли, и про галлюцинации. Может, потому что ее мать была психиатром? Когда я закончила, Джули призналась, что уже говорила обо мне с матерью.

– Она считает, что у тебя может быть биполярное расстройство[6 - Ранее (в течение почти 100 лет) эту болезнь называли маниакально-депрессивным психозом, но в конце XX века научное сообщество признало эту формулировку некорректной, так как не всегда у больных проявляются обе фазы (и мании, и депрессии).], а сейчас как раз фаза мании, – сказала Джули. – В любом случае тебе надо к психиатру.

Биполярное расстройство. Хотя такой диагноз никого бы не обрадовал, сейчас мысль о нем вызвала облегчение. Все сразу встало на свои места. Быстрый поиск в гугле вывел меня на буклет Национального института психического здоровья, в котором был опросник. «Расстройство мозга, вызывающее необъяснимые перепады настроения» (да!); «часто возникает в период 16–20 лет или в начале самостоятельной взрослой жизни» (тоже да); «состояние чрезмерного счастья называется “маниакальной фазой”; сильная грусть и ощущение безнадежности – “депрессивной фазой” (да, да и еще раз да – это объясняет мои противоречивые эмоции).

На другом сайте перечислялись имена знаменитостей, предположительно страдавших биполярным расстройством: Джим Керри, Уинстон Черчилль, Марк Твен, Вивьен Ли, Людвиг ван Бетховен, Тим Бертон. Имен было немало. «Я в хорошей компании», – подумала я. «Ни одному из великих умов не удалось избежать капли безумия», – говорил Аристотель.

Всю ночь я проворочалась с ощущением счастья: наконец-то у меня было название напасти, которая меня преследовала, и эти два слова, так красиво слетавшие с языка, все объясняли. Мне даже не хотелось, чтобы меня вылечили.

Я чувствовала себя принадлежащей к эксклюзивному клубу творческих личностей.

Однако маме с Алленом моя самодиагностика показалась неубедительной, и утром в понедельник – 16 марта – они повезли меня на прием к доктору Бейли. Сегодня картина Миров уже не казалась угрожающей. Она вполне соответствовала характеру моей болезни. Доктор Бейли вызвал нас почти без промедлений. На этот раз он уже не казался таким веселым и не напоминал доброго дедушку, хотя в целом был обходителен. Он снова провел стандартный неврологический осмотр и записал в моей карте «без отклонений». В тот момент я действительно чувствовала себя «без отклонений». Он задавал мне вопросы и делал пометки в блокноте. Лишь потом я узнала, что он упустил несколько важных деталей, например, охарактеризовал мое состояние в период первого припадка как «ровное».

Когда мы говорили о припадке, его тон был спокойным, но потом он опустил на нос очки и внезапно посерьезнел.

– Ваша работа связана с сильным стрессом?

– М-да, пожалуй.

– Вы иногда чувствуете, что не справляетесь?

– Конечно.

– Скажите честно, – проговорил он, словно готовясь услышать от меня страшную тайну, – никто вас не осудит. Сколько алкоголя вы употребляете в день?

Я задумалась. В последнюю неделю я не притрагивалась к спиртному, но обычно оно помогало мне расслабиться, и я почти каждый вечер пила глоток-другой.

– Ну, если честно – примерно два бокала в день. Обычно мы с бойфрендом выпиваем бутылку вина на двоих, но он пьет больше, чем я, как правило.

Доктор Бейли сделал запись в своем блокноте. Тогда я не знала, что врачи обычно умножают количество алкоголя, сообщенное пациентами, на два или

три, потому что пациенты часто лгут о своем пристрастии к спиртному. Он, наверное, решил, что на самом деле я выпиваю не два бокала в день, а шесть.

– Наркотики употребляете?

– Нет. В последний раз пробовала много лет назад, – ответила я и поспешно добавила: – Я почитала про биполярное расстройство, и мне кажется, это мой случай.

Доктор Бейли улыбнулся:

– У меня нет опыта в этой сфере, но я не исключаю такую возможность. Моя секретарша даст вам контакты очень хорошего психиатра, у которого больше опыта с такого рода заболеваниями.

– Отлично.

– Что ж, тогда... В целом вы кажетесь мне вполне нормальной. Я выпишу вам рецепт на кеппру – лекарство от эпилептических припадков. Принимайте его, и все будет в порядке. Я назначу вам прием через две недели, – сообщил он и проводил меня в приемную. – Также, если не возражаете, я бы хотел поговорить наедине с вашей матерью.

Он пригласил ее в офис, закрыл дверь и повернулся к ней:

– Думаю, объяснение очень простое. Она слишком часто пьет, мало спит и много работает. Следите, чтобы она не прикасалась к спиртному, пусть принимает кеппру, и все будет в порядке.

Мама вздохнула с огромным облегчением. Это было именно то, что она хотела услышать.

10. Смешанная фаза

Аллен отвез нас к довоенному кирпичному особняку в Верхнем Ист-Сайде, где жила и принимала Сара Левин, психиатр. Мы с мамой подошли ко входу и позвонили в домофон. Из динамика раздался тонкий фальцет, напомнивший мне актрису Кэрол Кейн[7 - Американская актриса кино и телевидения.]:

– Заходите и подождите в приемной. Я сейчас буду.

Приемная доктора Левин напоминала кадр из фильма Вуди Аллена: белые стены, журналы и книжные шкафы с томами классической литературы. Я была рада, что пришла на прием к психиатру. Мне хотелось, чтобы она раз и навсегда подтвердила диагноз, который я сама себе поставила, а еще мне казалось, что прием психиатра – это своего рода развлечение. Как-то раз давно, когда я рассталась с парнем, я ходила к трем психотерапевтам, прощупывая почву. Для меня это была скорее блажь, чем необходимость, – насмотрелась сериала «Пациенты», только и всего. Первым, к кому я попала, был симпатичный молодой гей, который вел себя как мой лучший друг и помощник; далее был неопытный (зато дешевый) терапевт, на вид полный ботан, он записал мой номер соцстрахования и первым делом спросил, какие у меня отношения с отцом; и еще один старый брызга, попытавшийся загипнотизировать меня с помощью пластиковой палочки.

– Заходите, – сказала доктор Левин.

Я улыбнулась: она и внешне напоминала Кэрол Кейн.

Она указала мне на кожаное кресло:

– Надеюсь, вы не возражаете: я всегда фотографирую своих пациентов для архива. – Доктор Левин указала на «полароид», который держала в руках.

Я выпрямилась, не зная, улыбаться мне или смотреть серьезно. Потом вспомнила, как мой друг с работы Зак сказал мне много лет назад, когда я впервые появилась на ТВ в прямом эфире в связи с делом Майкла Делвина: «Улыбайся глазами». Это я и попыталась сделать.

– Итак, расскажите, почему вы здесь, – проговорила доктор, протирая очки.

– У меня биполярное расстройство.

– Простите, что? – встrepенулась она. – Повторите.

– Биполярное расстройство.

Она кивнула, как будто соглашаясь со мной:

– Вы принимаете лекарства от этой болезни?

– Нет. Мне еще диагноз не поставили. Но ведь я себя знаю лучше, чем кто-либо еще, верно? Мне ли не знать, есть оно у меня или нет. А я уверена, что есть, – тараторила я: болезнь мешала мне нормально изъясняться.

Доктор Левин снова кивнула:

– Скажите, почему вам кажется, что у вас биполярное расстройство?

Я изложила свою версию, пользуясь собственной странной, сбивчивой логикой, а она записывала свои впечатления, исписав две страницы в широкую линейку. «Пациентка утверждает, что у нее биполярное расстройство. Сложно сделать однозначное заключение, – написала она. – Описывает все очень живо. Началось несколько дней назад. Не может сосредоточиться. Легко отвлекается. Хроническая бессонница, но не устает и не ест. В голову приходят грандиозные идеи. Галлюцинациями не страдает. Параноидальным бредом не страдает. Всегда была импульсивной».

Доктор Левин спросила, испытывала ли я нечто подобное раньше, и записала: «Приступы гипомании случались, сколько себя помнит. Всегда много энергии. Бывают негативные мысли. Никогда не думала о самоубийстве».

В итоге доктор Левин пришла к выводу, что я переживаю «смешанную фазу» – то есть типичное для страдающих биполярным расстройством состояние, включающее как маниакальные, так депрессивные эпизоды. Она приподняла и опустила несколько толстых книг на своем столе, нашла блокнот с рецептами и выписала мне зипрексу – антипсихотическое средство, которое прописывают при расстройствах настроения и мышления.

Пока я была на приеме у доктора Левин, мама позвонила моему младшему брату – тот учился на первом курсе Питтсбургского университета. В свои девятнадцать Джеймс был рассудителен и мудр не по годам, с ним мне всегда было спокойно.

– У Сюзанны был припадок, – сказала мама, пытаясь совладать с дрожью в голосе. Джеймс был ошеломлен. – Невролог говорит, что она слишком много пьет. Как думаешь, Сюзанна алкоголичка?

– Ни в коем разе, – уверенно ответил Джеймс.

– Сама она утверждает, что у нее маниакально-депрессивный психоз. Это возможно, по-твоему?

Джеймс на минутку задумался:

– Нет. Не может быть. На Сюзанну это совсем не похоже. Да, она может перевозбудиться, легко вспыхивает, но депрессия? Нет. Она сильная, мам. И ты это знаешь. В ее жизни много стресса, но никто не справляется с ним так хорошо, как она. Биполярное расстройство? Не верю.

– Я тоже, – пробормотала мама. – Я тоже.

11. Кеппра

Чуть позже тем вечером меня осенило. Биполярное расстройство ни при чем: все дело в кеппре, лекарстве от эпилепсии, которое мне прописали. Это кеппра вызывает бессонницу, забывчивость, беспокойство, враждебность, перепады настроения, онемение, потерю аппетита. То, что я принимала ее всего сутки, меня не волновало. Во всем виновата кеппра, решила я. Поиск в Интернете подтвердил мои опасения: все мои симптомы были в списке побочных эффектов этого токсичного лекарства.

Мама умоляла, чтобы я продолжала ее принимать.

– Ради меня, – сказала она. – Пожалуйста, прими таблетку.

И я приняла. Даже в тот период, когда я едва себя узнавала, порой на поверхность проступали проблески «настоящей» Сюзанны – той, которая не хотела причинять боль близким. Вспоминая то время, я думаю, что именно поэтому, несмотря на всю сумятицу, что происходила в моей голове, я часто делала так, как настаивали родные.

* * *

В ту ночь, когда будильник у кровати прозвонил в полночь, я вздрогнула и подняла голову.

Чертовы таблетки. Они меня поработили. Я схожу с ума! Кеппра. Мне нужно очистить организм от кеппры. «Вызови рвоту, избавься от нее!» – твердил голос в голове. Я скинула простыни и вскочила с кровати. Кеппра, кеппра. Прошла по коридору в ванную, включила кран и встала на колени перед унитазом. Сунув два пальца в рот, надавила на язык, и вскоре пошел сухой рвотный рефлекс. Я надавила снова. Тонкая струйка белой жидкости. Меня не рвало, потому что я уже не помнила, когда в последний раз ела. Чертова кеппра. Я спустила воду, повернула кран и стала ходить по ванной туда-сюда.

Следующее, что я помню: я на третьем этаже, где спали моя мать и Аллен. Они переехали наверх, когда мы с Джеймсом были в старших классах: мы часто уходили по вечерам или поздно возвращались домой и мешали им спать. И вот я стояла у маминой кровати и смотрела на нее спящую. Ее лицо освещала половинка луны. Она выглядела такой беспомощной – как новорожденная. Меня переполнила нежность к ней, я наклонилась и погладила ее волосы.

– О боже! Сюзанна. С тобой все в порядке?

– Не могу уснуть.

Она пригладила свои растрепавшиеся короткие волосы и зевнула.

– Давай спустимся, – прошептала она, взяла меня за руку и отвела обратно в мою комнату.

Она легла рядом и распутывала колтуны в моих волосах более часа, пока опять не заснула. Я слушала ее мягкое ровное дыхание, пытаюсь под него подстроиться, но сон так и не шел.

На следующий день – это было 18 марта 2009 года, 2.50 ночи – я сделала первую из многих отрывочных записей на компьютере, которые впоследствии станут моим временным дневником того периода. Эти записи показывают, насколько обрывочным и с каждым разом все более нелогичным был мой мыслительный процесс.

У меня биполярное расстройство, и это то, что делает меня МНОЙ. Я должна научиться управлять своей жизнью. Я ЛЮБЛЮ свою работу. Я ее ЛЮБЛЮ! Мне нужно порвать со Стивеном. Я хорошо разбираюсь в людях, но слишком запуталась. Я позволила работе занять слишком много места в моей жизни.

В тот день, когда мы с отцом говорили о будущем, я призналась ему, что хотела бы продолжить учебу в университете и поступить в Лондонскую экономическую школу – хотя раньше никогда не изучала бизнес. Тогда мой мудрый папа ненавязчиво предложил, чтобы я записывала свои скачущие мысли. Этим я занималась следующие несколько дней. «Отец предложил мне вести дневник, и это определенно помогает. Еще он предложил решать головоломки: умно, ведь он тоже мыслит головоломками (складывает вместе части целого)».

Кое-что из написанного мной в то время – сбивчивая груда слов, но есть отрывки, которые, как ни странно, проливают свет на мой внутренний мир и позволяют глубже задуматься о тех сферах моей жизни, которые раньше я никогда не анализировала. Вот что я писала о своей любви к журналистике: «Анджела видит во мне что-то, потому что понимает, как тяжело нам делать нашу работу, но такова журналистика – это тяжелый труд, и возможно, он не для меня, но я крепкий орешек». Еще я писала о необходимости навести порядок в своей жизни, которая стремительно разваливалась на кусочки: «Мне нужен распорядок и дисциплина, без которых я склонна пускаться во все тяжкие».

Записывая эти и другие строки, я чувствовала, как по кусочкам, слово за словом, собираю единую картину, которая в итоге покажет, что со мной не так. Но мысли в голове спутались, как бусы в коробке для драгоценностей. И только мне

начинало казаться, что один узел удалось распутать, как я понимала, что эта нить тянется к очередному змеиному клубку. Сейчас, спустя несколько лет, эти записи затрагивают во мне гораздо более чувствительные струны, чем любое ненадежное воспоминание. Может, верно говорил Томас Мор: «Лишь тайна и безумие приоткрывают истинное лицо души».

* * *

Вечером того же дня я вошла в гостиную и объявила маме и Аллену:

– Я все поняла. Это Стивен. Он слишком давит на меня. Я не справляюсь. Я слишком молода.

Мама с Алленом понимающе кивали. Я вышла из комнаты, но не успела переступить порог, как в голову пришло другое объяснение моих проблем. Я вернулась.

– Нет. Все дело в газете, в «Пост». Мне не нравится там работать, и это сводит меня с ума. Я должна вернуться в университет.

Они снова закивали. Я вышла и тут же вернулась.

– Нет! Я живу неправильно. Во всем виноват Нью-Йорк. Это слишком для меня. Мне надо переехать в Сент-Луис или Вермонт... туда, где потише. Нью-Йорк мне просто не подходит.

Я снова вышла и снова вернулась, прыгая из гостиной в кухню и обратно. Мне казалось, что на этот раз я точно все поняла. Нашла верное объяснение. Теперь-то все встало на свои места.

А потом жесткий ворс ковра с восточным орнаментом оцарапал мне щеку.

Овальные капли крови запачкали узорчатое полотно.

Пронзительно закричала мама.

Я упала на пол, прикусила язык и забилась, как рыба, выброшенная на берег; все тело затряслось в дикой пляске. Подбежал Аллен и сунул мне палец в рот, но в спазме я прикусила его, и его кровь смешалась с моей.

Через несколько минут я пришла в себя и услышала, что мама говорит по телефону с доктором Бейли, отчаянно пытаюсь заставить его дать объяснение произошедшему. Доктор настаивал, чтобы я продолжала принимать лекарство, а в субботу пришла на электроэнцефалографию (ЭЭГ) – проверку электрической активности мозга.

* * *

Через два дня – в пятницу – Стивен приехал в Саммит навестить меня и предложил выбраться из дома и поужинать. Мои родные ввели его в курс дела насчет моего все ухудшающегося состояния и отнеслись к его предложению очень настороженно, но Стивен понимал, как важно мне куда-то выходить (из-за припадков я не могла водить машину) и поддерживать хотя бы некое подобие «взрослой» жизни. Мы поехали в ирландский паб в Мэйплвуде, где я прежде никогда не была. В пабе было полно народу – семьи, подростки. Люди толпились у стойки, пытаюсь выбить себе столик. Я сразу поняла, что здесь слишком людно для меня. Все таращились на меня и шептали: «Сюзанна, Сюзанна». Мне казалось, я слышала их шепот. Дыхание участилось; я покрылась испариной.

– Сюзанна, Сюзанна, – повторил Стивен. – Она сказала, что ждать придется сорок минут. Хочешь подождать или поедем? – Он указал на девушку у стойки. Та как-то странно на меня смотрела.

– Хм-м. Хм-м. – Старик, у которого, кажется, была накладка из искусственных волос, с ухмылкой пялился на меня. Девушка у стойки подняла брови. – Хм-м.

Стивен схватил меня за руку и вывел на свободу, на морозный воздух. Я снова смогла дышать. Потом он отвез меня в соседний городок Мэдисон, в дешевый бар под названием «Бедняга Херби», где не было очереди. Официантка – женщина лет шестидесяти пяти с жесткими, как мочалка, вытравленными пергидролью волосами и сединой у корней – стояла у столика, упершись левой рукой в бок, и ждала, пока мы сделаем заказ. Но я лишь смотрела в меню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21975140&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Девятый альбом Боба Дилана.

2

Сериял про сотрудников PR-агентства.

3

Имеется в виду частичная оплата пациентом медицинских услуг (помимо той части, которую вносит страховая компания).

4

Известный американский исполнитель в стиле кантри.

5

Деньги (англ.).

6

Ранее (в течение почти 100 лет) эту болезнь называли маниакально-депрессивным психозом, но в конце XX века научное сообщество признало эту формулировку некорректной, так как не всегда у больных проявляются обе фазы (и мании, и депрессии).

7

Американская актриса кино и телевидения.

Купити: <https://tellnovel.com/syuzanna-kehalan/razum-v-ogne-mesyac-moego-bezumiya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)